АТЛАНТИДА

Владимир
ВАСИЛЬЕВ

Дмитрий
ВОРОНИН

Евгений
МАЛИНИН

Юлия
ОСТАПЕНКО

Элеонора
РАТКЕВИЧ

Алексей
ФОМИЧЕВ

Денис
ЮРИН

ЗВЕЗДНЫЙ ЛАБИРИНТ

SHOUT
SHARE
IT

- Дмитрий Анатольевич Воронин
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
- notes
  - 1
  - 2

Дмитрий Анатольевич Воронин

Атлантида. Падение границ

1

Высокий человек, состоявший, казалось, из одних стальных мускулов, уверенно шагал по коридору, почти не обращая внимания на то, что его окружало. А обратить следовало бы – мало кому из смертных дозволялось войти во Средоточие Мира, как часто называли Олимп, символ мощи Гипербореи, цитадель высших магов. Здесь все поражало воображение… Пол был выложен полированным камнем, который привозили из самых разных пределов Ойкумены, и багровая яшма плавно перетекала в глубокую зелень малахита, серый гранит сменялся светлым мрамором, а сочно-фиолетовые плитки чароита соседствовали с и вовсе странными, угольно черными, из глубины которых сияли самые настоящие серебристые звезды… Уходящие ввысь колонны поддерживали массивный свод, а между ними выстроились статуи…

Большинство тех, чей лик был запечатлен в мраморе или бронзе, Геракл знал. Немало нашлось и таких, кто был представлен в этой кажущейся бесконечной галерее не одной, а тремя, четырьмя статуями… Великан мысленно усмехнулся – достаточно было бы посчитать изваяния и без особого труда определить, кто и какое место занимает в иерархии Гипербореи. Здесь были все, кроме, пожалуй, Зевса – старик слишком поздно вступил в обладание Знанием бессмертия, а потому и обречен был долгие века пребывать в теле пусть еще и крепкого, но морщинистого и седобородого мужа. Увы, вокруг него всегда было достаточно мужчин и женщин высшей расы, кто, прожив на свете не меньше или немногим меньше Верховного Мага, выглядели не в пример моложе. Тот же Гермес… пусть выскочка, пусть мало кем любимый… но талантлив, невероятно талантлив. Полностью освоив магию бессмертия к восемнадцати годам, юноша, не раздумывая, остановил свое старение на этом рубеже. Может, теперь и сам жалеет об этом, ибо для остальных он так навсегда и остался юношей, и многие не воспринимают его всерьез. Хотя без зазрения совести пользуются его услугами.

Сам Геракл не был сторонником бессмертия… может, еще и потому, что самому ему не дано было остановить приближение своей старости. Замедлить немного – это ему было вполне по силам, но получить истинное бессмертие мог только полностью обученный гиперборейский маг. Способности же самого Геракла были, если сравнивать их даже со слабейшим из Высших, незначительными. Сказалось происхождение – кровь Зевса, смешавшись с кровью простой смертной, пусть и блиставшей

красотой женщины дала ребенку силу, выносливость, ум… но почти не дала способностей, превыше всего ценимых чистокровными гиперборейцами. Зато его ценили как воина. Среди гиперборейцев по крови немного находилось тех, кто готов был взять в руки оружие – рискнуть бесконечной чередой лет жизни ради минутной… пусть даже долгой славы, на это требовалось немалое мужество. Да и к чему, если всегда есть под рукой герои, вроде Геракла или Хирона.

Геракл усмехнулся в бороду – и усмешка вышла теплой, доброй. Скоро он увидит старого приятеля… несмотря на то что Хирон еще несколько сот лет назад удостоился бессмертия из рук своего отца Кроноса, он не утратил тяги к приключениям и к перспективе коротать века в довольстве и неге относился скептически. В свое время Геракл немало перенял у учителя – вряд ли в армии Гипербореи можно было найти лучшего стрелка, чем Хирон. Дары богов – лук Аполлона, меч Гермеса были, конечно, великолепны, но даже самый лучший в Ойкумене лук ничего не стоит без рук, что его натягивают. С тех пор как Кронос был свергнут, кентаврос попал в немилость… не то чтобы ему что-то серьезно угрожало, но Зевс, не испытывая любви даже к собственным детям, не говоря уж о бастардах Кроноса, приобрел привычку затыкать ветераном все дыры, а потому встретить Хирона на Олимпе удавалось редко. Но сейчас он был здесь – и в этом была одна из причин, по которой Геракл вошел в эти стены с радостью. В иное время, в иной ситуации вестникам Зевса пришлось бы потрудиться, чтобы убедить героя прибыть к трону Верховного Мага.

– Похоже, этому трону недолго так называться, – пробормотал воин вполголоса, без особой приязни глядя на единственную статую Зевса, сделанную в незапамятные времена, когда Громовержец был еще юн. В прошлый раз, когда ему довелось пройти этой галереей, этого изваяния здесь не было.

И в самом деле, титул Верховного Мага – пусть и почетный, пусть и дающий немалую власть, был не пожизненным. Кронос это понимал, но ему не хватило предусмотрительности… или осторожности. А может, ему просто не хватило жестокости – Кронос своего сына недолюбливал, что известно было всем, и Зевсу, конечно, тоже… но свернуть ему шею еще в юности прежний властелин Гипербореи не сумел, а потом было уже поздно. А вот сыну решимости было не занимать, и в один далеко не прекрасный момент трон опустел. Ненадолго.

Теперь же от Зевса все чаще и чаще слышны были речи о том, что простые смертные должны почитать гиперборейцев не просто как Высших Магов, властелинов знания и мудрости, но как богов

– властелинов жизни и смерти. И многие, очень многие поддерживали Громовержца… Особенно почему-то женщины, прежде всего Гера и Афродита. Афина на Олимпе появлялась редко, больше времени проводя в удаленных гарнизонах, охранявших гиперборейские земли от дикарей и, разумеется, от войск Посейдониса.

На мгновение шаг Геракла сбился – мелькнула мысль, что столь срочный вызов, вероятно, связан именно с Посейдонисом. В последнее время ходило много слухов о том, что Лорд-Протектор более не удовлетворяется той ролью, что была отведена ему Гипербореей, и желает большего. Догадаться о том, чего именно желают Архонты, было не так уж и сложно, и Геракл понимал, что Зевс на уступки не пойдет. А значит… значит, будет война, к которой северяне не слишком-то готовы. Он лучше многих знал, что пограничные заставы, о которых столь печется Афина – ее имя все чаще и чаще связывали с войной, почитая скорее как богиню, чем как неплохого военачальника, – не более чем заслон от необученных, неорганизованных варваров, вооруженных кое-как, не имеющих ни малейшего представления о правильном ведении боя. Иное дело – армия Посейдониса, к ней стоит отнестись серьезно.

– Стоять!

Геракл вынырнул из глубин раздумий, обнаружив, что колоннада кончилась, и перед ним – изукрашенные золотом и драгоценными камнями двери внутренних покоев Олимпийского дворца. Дорогу заслоняли двое гигантов – на полголовы выше рослого Геракла – в тяжелых доспехах из надраенных до немыслимого блеска бронзовых пластин, в тяжелых шлемах, полностью закрывавших лица. Гераклу вдруг стало смешно, и он с трудом удержался, чтобы не захохотать в голос. Варвары, которые не умели работать с металлом, а потому не понимали, что такое полированный бронзовый доспех, считали гвардию Олимпа чудовищами и боялись их чуть ли не больше, чем самих Высших.

Один из воинов, видимо, старший караула, неспешно рассматривал широкоплечего бородача, презрительно скользнув взглядом по не первой свежести львиной шкуре, наброшенной на плечи посетителя, по его порядком стоптанным сандалиям, явно выдававшим в нем дикаря. Да и вид у Геракла был тот еще – скрепя сердце подчиняясь приказу «прибыть немедленно», он даже не совершил омовения с дороги, и сейчас был весь в дорожной пыли, а его спутанные волосы были изрядно сдобрены сухими травинками – последний ночлег был на сеновале в селении неподалеку. Правда, за плечами варвара висел великолепный меч… с точки зрения стражника, совсем не

подходящий для лохматого и заросшего чуть не по самые брови бородой здоровяка.

Наглый взгляд стражника Геракл вынес спокойно. Видать, эти двое были приняты в гвардию недавно, большинство «золотых» знали героя в лицо и ни за какие земные блага не решились бы заступать дорогу победителю Лернейской гидры. Хотя бы потому что помнили участь тех, кто сделать это попытался. В данный момент Геракл не был в настроении указывать новичкам на их истинное место… но и долготерпением он не отличался.

– Кто ты таков, дикарь? По какому делу? – наконец процедил сквозь зубы страж. Его лицо не было видно, укрытое полированной бронзой шлема, но Геракл не сомневался, что губы воина сейчас искажает пренебрежительная ухмылка.

– Мое имя – Геракл. Верховный Маг ждет меня.

Сочтя, что сказано достаточно, Геракл шагнул вперед, протягивая руку к бронзовому кольцу ворот. В сторону стражников он более не смотрел.

– Кто ты такой, урод, чтобы тебя ждал сам Зевс? – надменно прорычал воин, отталкивая обмотанного звериной шкурой вонючего дикаря от входа во внутренние покои дворца. – Прочь, собачье отродье, пока твою грязную шкуру не изрезали в лоскуты!

В первый момент Геракл, вновь вернувшийся было к размышлениям о предстоящей войне и, разумеется, о своем месте в ней, даже не понял, что его, героя, ударили древком копья, как разбрехавшуюся не ко времени псину. А когда понял… Где-то в глубине его души зародился огонь – страшный огонь, безумие, от которого он уже претерпел немало бед, и с которым так и не научился справляться. Страшное проклятье Геры, что преследовало его всю жизнь, и даже Зевс, при всем своем могуществе, не мог избавить сына от припадков гнева, во время которых Геракл не владел собой. Воин даже не успел заметить, как только что подвешенный в петле за спиной меч, столь неподходящий для дикаря, вдруг оказался у того в руках, а мгновением позже тяжелое лезвие обрушилось на голову несчастного. В последний момент Геракл все же повернул лезвие плашмя, но легче стражнику от этого не стало. Хрустнули кости, застонал сминаемый металл. Тело еще некоторое время стояло, не осознавая, что смерть уже пришла, а затем с грохотом рухнуло на каменный пол. А клинок, уже занесенный для удара, нацелился на второго стража.

– Ты тоже скажешь, что Гераклу нечего делать в залах Олимпа? – голос героя не предвещал ничего хорошего.

Воин, к своей чести, размышлял достаточно долго, не менее десяти ударов сердца. Геракл терпеливо ждал ответа, чувствуя,

как угасает бешенство, как снова приходит в порядок его рассудок. Наконец страж вспомнил то, что ему рассказывали в казармах, сопоставил эти рассказы с диковатым видом нежданного гостя, с явным огорчением признал, что все, что он считал ранее байками, было не так уж и далеко от истины, и опустил копье.

– Прошу прощения… господин, – голова в шлеме склонилась, – вы можете пройти. Но… не сочтите за дерзость… приказ… оружие необходимо оставить.

Геракл удовлетворенно хмыкнул и, опустив меч, аккуратно прислонил его к стене. Рядом встал лук и колчан со стрелами.

– Головой отвечаешь, – буркнул он.

Страж бросил короткий взгляд на труп своего командира, голова которого была расплющена в лепешку, и судорожно сглотнул – угроза героя в львиной шкуре была отнюдь не фигуральной.

Тяжелые створки распахнулись легко, без скрипа.

– Наглость Лорда-Протектора не знает границ, – Зевс, покинув свой трон, стремительно расхаживал по залу, сцепив руки за спиной. – Он требует… слышите, он требует от нас, чтобы Гиперборея… – Зевс кашлянул, как будто слова властелина Атлантиды жгли ему горло, – чтобы Гиперборея не совала свой нос в дела Атлантиды. И это после всего, что мы для них сделали!

– Немыслимо! – с несколько угодливой интонацией вставил Гермес, паривший в воздухе на высоте пары локтей, больше по устоявшейся привычке, чем из желания произвести впечатление. Эксперименты с магией, произведенные еще на ранних этапах обучения, без должного умения и без необходимой осторожности, свели в Тартар многих. Гермесу еще повезло, допущенный им магический взрыв не превратил его в чудовище, не лишил жизни – просто теперь его тело все время стремилось лететь, и только непрерывным усилием воли его удавалось держать возле земли. Разумеется, и Зевс, и другие гиперборейцы при каждой же возможности стремились использовать юношу (которому минула уже не одна сотня лет) в качестве посыльного. Поначалу Гермеса это порядком раздражало, зато потом, увидев, какими последствиями для проигравших оборачивается борьба за власть на Олимпе, он решил, что лучше быть незаметным и полезным, чем заметным и трупом.

– Вот именно, немыслимо… – рыкнул Зевс. – Атланты явились сюда, подобно побитым псам, клянча земли, где могли бы жить. Мы дали им эту землю, мы оказали им помощь… и что теперь?

– Влияние Атлантиды растет, – холодный голос Афины эхом

отлетал от мраморных стен зала. Свой шлем она держала на коленях, а в очередной раз не сданное при входе копье, с которым воительница не расставалась, говорят, и в постели, стояло позади нее, прислоненное к колонне. – Их армия становится все больше и больше, корабли курсируют возле наших берегов. Три дня назад сразу с нескольких наших пограничных застав видели их виману.

– Одну? – заинтересованно спросил Аполлон.

Геракл поморщился. Этот золотоволосый красавец, толком изучивший за свою долгую жизнь лишь искусство управления подаренной атлантами виманой, которую до сих пор упрямо именовал «огненной колесницей», занимал в иерархии Гипербореи место еще более низкое, чем мальчишка на побегушках Гермес. Зато его панически боялись дикари, боялись больше, чем блистательную Афину, жестокого Ареса и даже больше, чем самого Зевса-Громовержца. Поскольку человек, мечущий молнии, страшен, но в целом понятен. А вот когда огонь обрушивается с небес… Геракл улыбнулся собственным мыслям. Да уж, если кого дикие полулюди и начнут почитать как бога, так это именно Аполлона. Он и так уже кое-где признается сродни самому светилу.

– Одну, – фыркнула Афина. – И я бы сказала, что они изучают наши оборонительные рубежи. Не удивлюсь, если Посейдонис готовит вторжение. Которому, как в этих стенах уже не раз говорилось, нам нечего противопоставить.

– Кроме магии, – пророкотал Арес.

– Кроме магии, – кивнула Афина, скрипнув зубами. – Но Лорд-Протектор и его Архонты владеют не менее сильной магией. Поговаривают, что Посейдонис неприступен. Мы до сих пор не знаем…

– Замолчите, – рявкнул Зевс, ощущая, что нить разговора ускользает из его рук. Более всего он ненавидел ситуации, когда его переставали замечать. Было в этом что-то из его детства, когда всем правил Кронос, а Зевс, уже сильный, уже умелый, все еще оставался в тени великого отца. – Говорить буду я.

Он некоторое время помолчал, словно ожидая, не нарушит ли кто тишину, дабы обрушить на неосторожного свой гнев. Но собравшиеся в зале гиперборейские маги даже, казалось, затаили дыхание.

– Да, Афина права, – Зевс снова возобновил свой путь, чеканя шаг меж колоннами и глядя прямо перед собой. – Да, Посейдонис владеет магией, и мы не знаем всей ее мощи. Даже эта проклятая вимана… сколько лет прошло, но никто, я повторяю, никто так и не понял, почему она летает. В ней нет магии, ни грана… во всяком случае, той магии, которую мы знаем и которую мы

можем понять. Что касается Посейдониса – о мощи этого проклятого города ходит немало слухов. Говорят, его защищает само небо.

– Что это могло бы означать? – Гефест нахмурился.

К этому гиперборейцу Геракл относился с особым почтением. Даже неистовый Зевс побаивался Мастера Огня, величайшего стихийного мага Гипербореи и к тому же своего сына. Если бы Гефест желал власти, ему не составило бы труда получить ее, сметя со своего пути всех, кто посмел бы возразить ему. Может быть, и Зевса тоже. Но пожилого мага интересовали только его опыты, и почти все свое время он проводил в лаборатории, экспериментируя с металлами в поисках идеального материала для оружия. Увы, и черная бронза, и железо, и даже недавно полученная им сталь вполне годились для обычных воинов, но никак не подходили магам. Только золото, серебро, медь и в некоторой степени бронза могли быть использованы истинными гиперборейцами, все остальные сплавы в той или иной степени гасили или искажали действие магии. Особенно сплавы на основе железа.

– Для этого здесь этот… человек.

От Геракла не укрылась крошечная пауза в словах Зевса, как и то, что за этой паузой скрывалось. Геракл не был истинным гиперборейцем, он был полукровкой, и Громовержец не упускал случая напомнить ему об этом. Указать на его, Геракла, место. Давно прошли те времена, когда Зевс заботился о своем сыне, что подарила ему Алкмена, давно угас огонь враждебности между Громовержцем и Герой, в свое время приложившей немало сил, дабы отправить в Тартар мальчишку, которому предстояло стать героем. Время текло меж пальцами, годы приносили новые интриги и примирения, новую любовь и новые расставания. Вряд ли даже сам Зевс мог с уверенностью сказать, скольких детей он зачал, сколько из них выжили. Из присутствующих здесь гиперборейцев более половины несли в себе его, Зевса, кровь. Истинных гиперборейцев, не чета ребенку человеческой женщины – о таких Зевс и не задумывался. Хотя о Геракле иногда вспоминал – когда в герое возникала нужда. Собственно так поступали почти все олимпийцы, кроме Афины, дружбой с которой Геракл очень дорожил, и Гефеста, который с равным уважением относился и к Высшим, и к простым смертным.

Все взгляды сосредоточились на Геракле, и он вдруг почувствовал себя неуютно. До сего момента он не задумывался, зачем его пригласили на Олимп. Вернее, пригласили – не самое подходящее слово. Потребовали его присутствия, так будет точнее.

– Я намерен отправить посольство в Посейдонис. Через три дня. Геракл, тебя знают атланты, ты должен увидеть… понять, что Посейдонис может нам противопоставить. Важна любая мелочь…

– Не лучше ли будет послать кого-либо из Высших? – надменно вздернула бровь Афродита. – Что толку от дикаря.

Геракл дернулся как от удара. «Проклятая старая сука, – подумал он, однако на лице его, исчерченном шрамами, загрубевшем от ветра и солнца, почти ничего не отразилось. – Я запомню твои слова…»

Афродита и в самом деле была старухой. Старухой, пребывающей в юном и невообразимо прекрасном теле. За века она узнала о телесной любви все – и не грешила против истины, утверждая, что способна уложить в постель любого мужчину. Или любую женщину – пол партнера для нее уже много лет не играл никакой роли. Время от времени она снисходила до обучения женщин, которые скрашивали досуг гиперборейцев. Даже среди высших нашлось бы немало таких, кто с удовольствием свернул бы нежную шею этой прекрасной стервы, но… отказаться от услуг гетер, прошедших обучение у шлюхи, впитавшей в себя опыт веков, было не так-то просто.

– Ни перед кем из гиперборейцев атланты откровенничать не станут, – уверенно заявил Зевс, – а вот продемонстрировать свою мощь одному из самых известных в Ойкумене воинов, который… – Громовержец помолчал, сверля героя взглядом, – который, по общему мнению, не отличается силой ума, они, вероятно, не откажутся. От тебя же, Геракл, требуется немного игры… изобрази удивление, восхищение, страх… особенно страх.

Атланты явились непрошенными и незваными. Никто не знал, откуда появились они, но прибыли они не с пустыми руками.

Чужие люди в золотой чешуе доспехов склонили колени пред троном Гипербореи. Они были странными – высокие, выше любого из живущих, кроме разве что великанов-циклопов, с пронзительно-голубыми глазами и волосами серебристого цвета – и странными были их дары. Повозка, умеющая летать не хуже… нет, много лучше мальчишки Гермеса, полированные зеркала, в которых можно было увидеть собеседника за многие и многие стадии, светильники, что не нуждались ни в масле, ни в магии.

Богатые дары смягчили сердце старого Кроноса, и он милостиво разрешил беженцам из невообразимого далека занять заселенные невежественными дикарями земли на самом краю Ойкумены.

А пока Кронос, отдав пришельцам бесхозные и ненужные ему

земли, благодушно отвернул свой взор от Атлантиды, новое государство начало набирать силу. На пустом месте родился величественный город Посейдонис, иначе называвшийся также Городом Золотых Врат, очень скоро затмивший Олимп с его дворцами и роскошными садами, само существование которых было наполнено таинством магии. Посейдонис был великолепен – кольцевые белоснежные стены, храмы-пирамиды, роскошь и богатство. Здесь никто не знал недостатка в пище, здесь даже самый наибеднейший житель должен был овладеть грамотой, ибо законы Атлантиды почитались как незыблемые, и каждый обязан был знать их. Выбитые на колонне из орихалка законы были на виду у всех, и горе тому, кто, нарушив их, пытался отговориться незнанием.

Пришельцы принесли с собой странную магию. Они могли летать по небу, их оружие метало молнии не хуже самого Зевса, достигшего в этом тонком искусстве небывалых высот, но взять в руки эти метатели мог любой воин, даже без капли магической крови в жилах. Корабли атлантов бороздили моря, достигая даже самых дальних уголков Ойкумены. Но самое главное – росло их влияние. Появлялись аванпосты – иногда немыслимо далеко от Города Золотых Врат. Все больше и больше диких племен принимали правящую руку Посейдониса – как более сильного и более щедрого. И этот факт в немалой степени способствовал ухудшению отношений меж двумя великими державами.

Своим подданным, число которых росло с немыслимой быстротой, атланты дали многое. Обильные урожаи, здоровье, знания. Взамен они требовали одного – беспрекословного подчинения. И подданные были счастливы – почти все. Те же, кто не проявлял подчинения, подвергался воздействию магии – и навсегда превращался в бездушную куклу, тупо исполняющую любой, даже самый бессмысленный приказ хозяина. Наверное, они тоже были счастливы. По-своему.

Но нашлись и те, кто не мог назвать себя счастливцами. Их было не так уж и много – высоких, серебряноволосых, голубоглазых… тех, что носили, не снимая, золотые доспехи – и мало кто знал, что эта несокрушимая броня, неуязвимая ни для грубого оружия дикарей, ни для боевой магии высокомерных гиперборейцев, есть лишь продолжение кожи. Ни один из атлантов не мог бы снять сияющую чешую, ибо она являлась частью их тела. Ведь они не были людьми.

Владеющие могучей магией, вооруженные техникой, что иногда ничуть не уступала по своим возможностям самому изощренному волшебству, располагающие знаниями целой цивилизации, достижения которой трудно даже осмыслить, они

были глубоко несчастливы. Ибо не может быть счастлив беглец, навсегда лишенный родины.

Атлантиды – блистательной, мудрой, великолепной Империи Атлантиды более не существовало. Жестокой, беспощадной, жадной Атлантиды. Вместе с ней исчезло многое другое – планеты, звезды… беглецы не знали ни истинной причины, ни масштабов коллапса.

Казалось бы, ничто не предвещало беды. Напротив, великое открытие – создание портала в иные миры – открывало перед Империей невероятные перспективы. Поначалу ученые осторожничали, отправляя в чужие пространства лишь разведчиков – но время показало, что атлантам нечего бояться. Их мощь могла сломить любое сопротивление… Перед учеными была поставлена новая задача – и задачу эту они решили. Разработанная теория большого портала – в отличие от малого, основанного исключительно на технологии – оперировала мощными силовыми полями и магическими потоками и была, в известной степени, небезопасна. Зато через большой портал можно было провести не одного-двух человек, а целую армию.

И Атлантида начала стремительную экспансию. Не только в оружии, не только в многочисленности армий была их сила – властители Империи, Архонты, владели особой магией, умея подчинять людей своей воле, заставляя следовать любым своим желаниям. Десятки лет агрессоры грабили иные пространства, доставляя в Империю невероятные богатства, диковинных животных, редкие ископаемые… В обиход снова вернулось рабство – почти все обитатели миров, куда приходили Имперские войска, оказались неспособными противостоять магии подчинения, а те немногие, кто от рождения обладал даром иммунитета к пси-воздействию атлантов, уничтожались безо всякой жалости. Уничтожались и все их кровные родственники, дабы даже шанса не оставалось опасной способности возродиться в последующих поколениях. Поток рабов все ширился – идеальных рабов, довольных своей жизнью, не помышляющих не то что о восстании, а даже о тени непослушания.

Правда, нашлись и те, кто утверждал, что большие порталы опасны, что они самим своим существованием повреждают ткань мироздания. Их не желали слышать.

А потом стало слишком поздно. В один страшный миг мир вокруг них словно взбесился – огонь охватил небо, земля тряслась, и даже солнце, привычное, теплое и безопасное светило, вдруг утратило стабильность, приняв форму грозного лика, взирающего с небес на своих согрешивших детей… Немногим удалось бежать в иные, безопасные миры. Немногое удалось

спасти.

Теперь у них был новый мир – странный, непонятный, опасный. Мир, заселенный дикарями, что не знали даже простейших металлов – и тут же могучий народ гиперборейцев, владеющий магией. Не той, к которой привыкли атланты, умело сочетавшие утонченное оперирование магическими потоками со сложной техникой. Сила гиперборейцев была иной – основанной на использовании чистых энергий стихий, капризных, непослушных, своевольных – но невероятно могучих.

Атланты испугались. Их было слишком мало – всего девяти Архонтам и их предводителю, Лорду-Протектору, удалось спастись, прихватив с собой то, что оказалось под рукой. Оружие, несколько защитных систем, транспорт, кое-что из оборудования. И, разумеется, генераторы большого портала. Их было слишком мало, чтобы вступить в войну – и гордые атланты склонили головы, униженно прося о подачке, о милости. Но и коленопреклоненные, они пустили в ход свою магию, магию подчинения – и даже могучие гиперборейцы не устояли. Может быть, этот здоровяк, именовавший себя Кроносом, искренне верил, что решение о выделении атлантам дальних и, как ему казалось, ненужных земель продиктовано исключительно его собственным милосердием. Но те, кто кланялись, благодаря за щедрый дар, прятали улыбки – им лучше многих было известно, что стоит за великодушием Верховного Мага Гипербореи.

Они не думали, что им потребуется много времени. Собраться с силами, передохнуть, успокоиться… немного забыть ужасную катастрофу, а затем включить большой портал, и отправиться на поиски более гостеприимной земли, не занятой сильными и опасными хозяевами. Опасными еще и потому, что их разум невозможно было долго контролировать.

Этим планам не суждено было исполниться. Атлантам пришлось сделать печальное открытие – в этом мире магия большого портала отказывалась работать. Малые, основанные исключительно на технологии, можно было открыть в любой момент – но малый портал не способен был пропустить сквозь себя даже виману, не говоря о тяжелом оборудовании. Это означало, что в новый мир они пришли бы почти что голыми, слабыми и беззащитными. Такое решение не устраивало ни Лорда-Протектора, ни Архонтов.

Значит, следовало поступить иначе. Если нельзя найти для себя чистый мир, надо очистить этот… И возник великолепный Посейдонис, возникли храмы и сады… а заодно и могучая армия, которой было предначертано смести с лица этого мира могучих, заносчивых, но немногочисленных гиперборейских магов.

Одновременно не прекращался поиск способа активировать большой портал, активировать его любой ценой. Либо одна, либо другая стратегия обязана была принести удачу. Требовалось лишь время…

2

Факел потрескивал, пламя отбрасывало на каменные своды пещеры странные отблески. Где-то журчала стекающая по стенам вода, горькая, непригодная для питья. Впрочем, даже откройся здесь чистейший как слеза родник, Геракл не рискнул бы поднести ко рту пригоршню воды. Здесь было неподходящее место ни для сна, ни даже для короткого привала.

Уже несколько часов он шагал и шагал вниз, перебираясь через завалы, иногда чуть ли не до крови обдирая кожу, обходя острые сталактиты, равнодушно скользя взглядом по нередко встречавшимся на пути скелетам. Войти в пещеры, что вели к Тартару, было легко. Их даже не сторожили – ибо немного находилось тех, кто, будучи в здравом уме, решался спуститься в недра земли, приблизиться к царству мертвых. А те, кому на это хватало глупости, безумия или мужества, редко возвращались назад. Пещеры были огромны, в них было легко заблудиться – за плечами Геракла уже осталось не менее сотни стадий, [1] но это была лишь малая часть общей протяженности пещер. Стоит потерять дорогу – и тогда оставалось лишь ждать, пока кончится вода в мехе, да запас сухих лепешек и вяленого мяса, ждать, пока догорит последний факел… А потом молить о приходе смерти.

Геракл не боялся заблудиться. Он знал дорогу – ему уже приходилось бродить по этим пещерам. Сейчас его гнало сюда странное чувство – всем своим существом он ощущал необходимость спуститься к Стиксу, Реке Забвения. Здесь, у мрачных вод, никогда не видевших дневного света, он сможет получить ответы на вопросы.

Ягненок за плечами жалобно заблеял и отчаянно рванулся, в который уж раз пытаясь освободиться. Геракл не обратил внимания на метания несчастного животного, чуявшего, видимо, приближение неизбежной смерти. Он чуть было не пропустил нужный поворот – ошибка, допущенная здесь, среди бесчисленных каменных переходов, могла обойтись дорого. Он всегда гордился своим умением находить верную дорогу в лесу, в пустыне, в горах – везде, куда забрасывала его тяга к приключениям, но тут, в толще скал, умение вновь и вновь отказывало ему, и оставалось надеяться лишь на знаки – те, которые он сам когда-то начертал, спускаясь к Стиксу впервые.

Впереди послышался глухой рокот, и, одновременно, Геракл ощутил, как дыбом становится каждый волосок на теле. Сам воздух здесь был до предела насыщен магической силой. Не зря Олимп, цитадель Гипербореи, был построен над этими пещерами

– маги черпали дармовую силу, в изобилии разлитую буквально у них под ногами. Пожалуй, сильнейшие из гиперборейцев – тот же Зевс, к примеру, – мог исполнить то, что привело сюда Геракла, даже не вставая с трона. Что ж, если для того чтобы услышать нужные слова, ему придется проблуждать во тьме хоть сутки – пусть так и будет.

Пещера раздалась в стороны, свет факела, до этого более или менее освещавший путь, теперь уже почти не помогал находить безопасную тропу. Но в этом и не было необходимости – Геракл пришел туда, куда стремился. Но, даже зная, чего ожидать, он чуть было не оступился, сразу почувствовав, как по коже пробежал холодок страха. Стоит упасть в эту черную воду, стоит ощутить на губах ее вкус – все, конец. Назад дороги не будет.

– Она была где-то здесь, – пробормотал он, оглядываясь.

Тяжелая каменная чаша стояла там, где он оставил ее много лет назад. Рядом лежал и обсидиановый нож – это место не терпело металла, никакого, потому он оставил наверху, у входа в катакомбы, все свое оружие. Только камень можно было принести сюда.

Он тяжело опустился на камни рядом с чашей, испуганный ягненок, небрежно брошенный на камни, часто дышал, но уже не блеял и не дергался – тяжелая атмосфера, пронизанная магическими потоками, подавляла волю к жизни. Пока что ее утратило только животное, но Геракл знал – стоит просидеть здесь несколько часов, и он уже не сможет встать. Не потому, что иссякнут силы – просто ему будет все равно. Проклятая вода была везде – не только в потоке, что бился о скалы в нескольких локтях ниже, но и в воздухе, и даже, наверное, в камнях. Следовало торопиться…

Он развязал ремешок, стягивающий тонкие ножки животного. В жертву приносят свободных… да, теперь у несчастного создания уже не хватит сил убежать.

– Прости… – шепнул он ягненку. И коротко полоснул того острой кромкой обсидианового ножа по подрагивающему горлышку. Струя крови ударила в каменную чашу, столь древнюю, что даже старейшие из ныне живущих гиперборейцев не знали, кто и когда создал ее.

Под сводами пещеры пронесся стон… горестный стон, состоящий из множества голосов. Живая теплая кровь высвободила магию, приведя в действие тонкие, и одновременно невероятно мощные силы, природы которых не понимали и гиперборейцы, научившиеся лишь использовать это странное явление.

– Кронос! – рявкнул Геракл во всю мощь своего голоса, и эхо

заметалась меж камней, заглушая переливы тихих стонов. Он знал, что можно было и не кричать, что магия крови, пробуждавшая давно ушедших, не нуждалась в громком голосе. Он мог позвать Кроноса и шепотом. И даже мысленно… если тот сочтет нужным, то явится.

Сердце стучало медленно, словно собираясь с силами перед каждым ударом.

– Великий Кронос! – снова воззвал воин. – Великий Кронос, я, Геракл, хочу говорить с тобой!

– Хочу ли я говорить с тобой, полукровка, вот в чем вопрос… – раздался за его спиной тихий голос.

Геракл неимоверным усилием заставил себя не вскочить, не обернуться, не выставить перед собой нож – единственное свое оружие. Против обитателей этих пещер не помогли бы ни клинки, ни стрелы, ни руки, привычные к кулачному бою. Сюда приходили не драться, а говорить… или умирать. Иногда это становилось одним и тем же, мертвые не любили тех, кто тревожил их покой.

– Я принес тебе дар, Великий Кронос, – тихо произнес он, не поворачиваясь. – Дар, угодный твоему духу.

– Живая кровь, вот даже как… – хмыкнул голос, словно бы в раздумье. – Да, ты знаешь, как порадовать старика. Ладно… я понимаю, что ты явился не просто так. О чем ты хочешь спросить меня? И можешь повернуться, мало удовольствия видеть твой заросший затылок.

Геракл последовал совету, и несколько мгновений рассматривал тень, плывущую перед ним, в половине локтя над каменной плитой. В этой тени невозможно было узнать величественного Кроноса, Верховного Мага Гипербореи, свергнутого и убитого собственным сыном. Оставалось только надеяться, что мертвым несвойственно лукавство и обман, и что на зов героя откликнулся именно тот, ради встречи с кем Геракл явился в эту бездну. Тень всколыхнулась, от нее отделились два длинных тонких отростка, коснулись чаши… темная густая жидкость чуть дрогнула.

– Говори, полукровка, – в словах тени не было и намека на издевку, она… или он, просто констатировал тот факт, что для беседы с навсегда ушедшим явился нечистокровный гиперборец. – Говори, но будь краток. Твой дар… не слишком щедр.

Дух Кроноса был прав – скосив глаза в сторону чаши, Геракл заметил, что уровень крови в ней заметно понизился. Силы, призвавшие дух умершего, требовали много крови, и расходовали ее щедро.

– Твой сын ведет нас к войне, Кронос. К войне, которая может привести к гибели Гипербореи.

– Я знаю это, – прошелестел голос. – Я не питаю любви к сыну, но в своем устремлении он прав.

– Но…

– Да, Гиперборея может погибнуть. Здесь, в вечной тьме Тартара, сложно зрить будущее… впрочем, там, наверху, распознать грядущие события еще сложнее. Здесь мир теней, и то, что произойдет, тоже всего лишь тени. Их можно попытаться угадать, не более… Угроза существованию Гипербореи велика, но если не остановить атлантов, конец будет неизбежен. И страшен.

– Страшен? – Геракл даже привстал от удивления. – Да, их армии сильны, да, они все больше и больше видят в Гиперборее врага, но что в этом такого страшного? Посейдонису не хватит сил, чтобы сломить магическую защиту Олимпа.

– Дело не в армиях, которые может собрать Лорд-Протектор, – не меняя тона, сказал Кронос, смещаясь в сторону, зависнув в воздухе прямо над невидимым потоком Реки Забвения. – Здесь, во тьме, кое-что видно лучше… здесь есть знания, которые не стоит передавать живым. Скажем… атланты играют с чудовищными силами, и они даже не осознают всей опасности этих игр. Я чувствую, как сама сущность мира воет и корчится от боли… сколько это может продолжаться? Однажды эта сущность не выдержит, и кто знает, что произойдет с Ойкуменой… хотя нет, катастрофа затронет не только Ойкумену, но и все сущее.

– Значит, война неизбежна? – в чаше оставалось совсем немного крови. Геракл был готов ради продолжения беседы разрезать собственную руку, но стоит испарениям Реки Забвения попасть в кровь… с этой водой не сравнится ни один яд. Даже яд Лернейской гидры оставляет один, пусть и мизерный, шанс. Эта вода шанса не оставит.

– Атланты хотят покинуть этот мир, – прошептала тень, – хотя и не знают, что им этого свершить не суждено. Но в своих попытках достигнуть невозможного, они приведут этот мир к гибели. Не могу предугадать, хватит ли у Громовержца сил справиться с Посейдонисом, но это – единственный путь. Атланты должны исчезнуть… или же должна исчезнуть их магия.

– Зевс приказал мне проникнуть в Посейдонис…

– Он мудр, хотя мудрость эта во многом от случайности. Не думаю, что Зевс сумел почувствовать твой особый дар… Да, не удивляйся, ты одарен кое-чем более важным, чем владение магией. Атланты владеют даром подчинять себе души людей… и гиперборейцев тоже. Да, когда-то и я ощутил их силу – жаль,

понял это слишком поздно. Но твой разум неподвластен магии атлантов, ты сумеешь сохранить свободу там, где утратил ее даже я.

Геракл слушал, не веря своим ушам. Кронос, сильнейший из гиперборейцев, быть может, даже более сильный, чем свергнувший его Зевс, признается в том, что проиграл магическую схватку с атлантами? Невероятно… хотя ведь ходили разговоры о том времени, когда атланты впервые появились в Олимпийской цитадели. Пусть тогда Геракла еще не было на свете, но ему довелось выслушать немало рассказов о делах минувших – и иные рассказчики говорили, что Кронос проявил тогда неслыханную щедрость.

– Только ты, и еще Хирон… вы сможете сопротивляться воздействию магии атлантов. Времени осталось не так уж и много, не более года. Никто из Высших Магов Гипербореи не должен приближаться к Посейдонису. Если Атланты пришлют послов, их следует изгнать немедля.

– Олимпийцев следует предупредить…

– Никто не поверит тебе, герой. Ищи доказательства в Атлантиде, и помни – стоит любому из Архонтов встретиться с олимпийцем – и Посейдонис получит верного раба, готового на все ради новых хозяев. Ненадолго, разум чистокровного гиперборейца справится с вторжением через несколько дней, я знаю… но и час может стать роковым.

Последние капли крови словно бы впитывались в каменное дно чаши. Голос Кроноса становился все тише, он теперь говорил быстро, глотая слова, торопясь успеть поведать гостю все что было нужно.

– Запомни, Геракл, те, кто поедут с тобой в Атлантиду… те, кто сойдут на берег и войдут в Посейдонис, не должны вернуться обратно в Гиперборею. Запомни, ни один из них. Да… тебе придется убить всех. Прости, это тяжкая ноша, но она вынужденно ляжет на твои плечи. А теперь иди… и… благодарю тебя… за дар…

Словно дуновение ветра всколыхнуло тяжелый воздух пещеры, и тень Кроноса исчезла. Геракл провел пальцем по совершенно сухому дну каменной чаши. Дар был испит до последней капли.

Он с трудом встал, вдруг ощутив, как ноют мышцы, словно не на прохладных камнях сидел, а карабкался вверх по крутому склону долгие часы. Поначалу каждый шаг давался с трудом, Геракл скрипел зубами, заставляя двигаться непослушные ноги – но постепенно тело вновь начало ему подчиняться, шаг стал легким и упругим, а факел словно бы разгорелся ярче, будто

радуясь возвращению наверх, в мир живых.

Ветер исправно дул в нужном направлении, мачта прогибалась, потрескивала, но держалась. Это был один из лучших кораблей Гипербореи – Зевс настаивал на том, чтобы использовать для отправки посольства виману Аполлона, но Гераклу путем долгих убеждений и споров удалось заставить Громовержца отказаться от этой идеи. Разумеется, о беседе с отцом нынешнего Верховного Мага Геракл никому рассказывать не стал. И уж самому Зевсу – подавно. А потому он и не мог заявить, что вынужден будет перебить всех, кого злая судьба выберет ему в спутники. Столкнуться в бою с Аполлоном, пусть и не слишком умелым магом, Гераклу не хотелось… да и зла этому простодушному, чуть глуповатому и самовлюбленному гиперборейцу он не желал. В конце концов, Аполлон был не самым плохим из олимпийцев… вот если бы включить в состав посольства Афродиту – Геракл с немалым удовольствием послушал бы хруст ее позвонков.

Правда, чтобы убить Высшего Мага, требуется нечто более серьезное, чем сломанная шея.

– Земля! – раздался крик стоящего на носу корабля воина.

Геракл довольно усмехнулся. Так создаются легенды… проделать столь огромный путь за столь малый срок… пройдут годы, и свидетели этого плавания, наверное, скажут, что они не плыли – летели над водой на крылатом корабле. И тут же скривился, сплюнув за борт вдруг ставшую горькой слюну. Нет, свидетелей не будет, и мастерство тех, кто вел корабль, очень скоро навсегда уйдет из этого мира.

– Что это, что? – раздались удивленные крики.

В небе появилась яркая, слепящая глаза точка. Она стремительно вырастала в размерах, пока не превратилась в сияющую виману, зависшую над кораблем.

– Архонт Галас, третий Властитель Города Золотых Врат, приветствует доблестного Геракла, чья слава идет впереди его стремительного корабля… – прогрохотало в небе.

– Геракл, посол Гипербореи, приветствует Архонта Галаса и рад, что долгий путь подошел к концу.

– Пусть твой корабль следует за моей виманой, славный Геракл. Порт Посейдониса близок.

– Веди нас, Властитель Галас.

Особой необходимости в провожатом не было. Геракл без труда мог различить вдали переливы искорок – это отбрасывали солнечные лучи странные изделия атлантов, которые они делали из чистого белого песка. Ровные пластины, весьма смахивающие на внезапно окаменевшие лужи, поднятые с земли, гиперборейцы

покупали охотно, платя равный вес золота. Гефест не раз пытался изготовить в своей кузнице нечто подобное, но пока что терпел неудачу за неудачей, хотя и утверждал при каждом удобном случае, что находится на верном пути. А сами атланты этот странный материал почти и не ценили – поговаривали, что жители Посейдониса вставляют эти драгоценные пластины в окна, словно обычную слюду или бычьи пузыри. Видимо, в этих словах было немало правды – Геракл узнал блеск, так сияли стрельчатые окна центральной башни Олимпийской цитадели, жилище самого Зевса, для которого он не пожалел драгоценного заморского товара.

Но появление виманы, да еще с одним из Архонтов – это был доброе знамение. То ли это являлось знаком уважения, то ли попыткой произвести впечатление на невежественного полукровку, только и знающего в жизни, что свой здоровенный меч. Так или иначе, надежда Геракла узнать в Посейдонисе что-нибудь по-настоящему важное несколько возросла.

Прошло почти два часа, прежде чем корабль ударился о подвешенные к причалу мешки, набитые мокрыми водорослями. Двое воинов выпрыгнули на влажные скользкие бревна и тут же накинули веревочные петли на бронзовые крюки, каждый толщиной в руку сильного мужчины. Геракл шагнул на берег, потянул носом воздух и чуть заметно поморщился – здесь пахло морем, но не той свежестью утреннего ветра, что заставляла трепетать ноздри и побуждала грудь пусть и разорваться, но сделать еще, еще более глубокий вдох. Здесь царили другие запахи – дыма от многочисленных коптилен, тухлой рыбы, подгнивших водорослей… не самый приятный запах для человека, привыкшего к кристальной чистоте воздуха девственных лесов, к вкусному аромату жарящегося на костре мяса…

Вимана опустилась на землю еще раньше, и теперь в нескольких шагах у кромки прибоя стояло около десятка человек в чешуйчатых доспехах. Чешуя отливала золотом, но это было не мягкое золото и не более прочная бронза. Жители Атлантиды называли странный металл «орихалком», и это было еще одной тайной, не дававшей покоя Гефесту.

Вперед вышел человек – его доспехи имели совсем иной отлив, серебристые словно седые волосы плескались на ветру, а рост заставлял даже Геракла задирать голову, чтобы взглянуть Архонту в глаза. На боку Галаса – видимо, это был он – висело странное приспособление… Гераклу не довелось увидеть магическое оружие атлантов, что с легкостью метало молнии на тысячи шагов, но чутьем воина он понял – это оно. Не

инструмент, не украшение, ни что иное – именно оружие. Остальные встречающие – это были обычные люди, хотя и в необычной броне – тоже были вооружены. Недлинные, в рост человека, копья оканчивались широкими, с ладонь, листообразными остриями, светившимися даже в солнечных лучах мертвенным белым светом. О таком оружии в Гиперборее и не слышали… сомнительно, чтобы Архонт доверил слугам что-либо более мощное, чем носил сам, но вряд ли эти наконечники из простого металла.

Архонт вскинул руку в приветствии, поворачивая ее к гостю открытой ладонью. Геракл ответил тем же жестом, глядя Галасу прямо в глаза. За спиной героя слышался топот ног – десяток бойцов, кто с шуткой, кто с тихой руганью, выгружались на берег. По сравнению со свитой Архонта они выглядели жалко – доспехи, пусть и кованные самим Гефестом, казались грубыми рядом с чудесной орихалковой чешуей.

– Мы рады послам великой Гипербореи… – теперь голос Архонта не казался громом, он был ничуть не громче, чем голос обычного человека. – Вас проводят в отведенные вам покои. А после отдыха тебя, славный Геракл, и тех из твоих спутников, кого ты укажешь, примет сам Лорд-Протектор.

– Благодарю за гостеприимство, властитель Галас, – от Геракла не укрылся второй смысл произнесенной Архонтом фразы. Вас проводят… значит, о свободной прогулке не то что в Посейдонисе, даже здесь, в порту, следует забыть. – Путь не был легким, и моим людям нужно восстановить силы. Сам я в отдыхе не нуждаюсь… Я много слышал о великом Городе Золотых Врат, и мечтаю увидеть его красоты.

Архонт сделал еще пару шагов вперед, теперь он стоял почти вплотную к Гераклу.

– Увидеть красоты… – Галас говорил тихо, так, чтобы его не услышал никто, кроме гиперборейского посла. – Странное желание для воина, не так ли? Или ты, славный Геракл, на самом деле хочешь увидеть что-нибудь другое?

В голосе Архонта не слышалось угрозы, скорее – насмешка. И Геракл ответил совсем не то, что собирался.

– Конечно, ты прав, властитель. Я хотел бы увидеть силу атлантов. Сегодня мы друзья, но кто знает, придется ли нам и впредь идти одной дорогой, или пути наши разойдутся.

Тонкие бледные губы атланта исказила странная усмешка – то ли снисходительная, то ли надменная, то ли злая. Будь перед ним человек, Геракл без труда ощутил бы его настроение, но атлант был для него черным провалом пещеры, во тьме которого не различить ничего.

Он оглянулся, намереваясь приказать воинам следовать за сопровождающими, и вдруг ощутил, как по спине пополз неприятный холодок. Все они – от немолодого тавроса Даринеса, до Таргоса, самого юного из солдат, уже уходили, следуя за провожатым в чешуйчатой броне. Геракл скрипнул зубами – ладно простые солдаты… что от них ждать. Гиперборея только начала создавать армию по типу войск Атлантиды, понимая, что отменно обученные и привыкшие биться плечом к плечу воины куда надежнее, чем десяток пусть даже великих героев, каждый из которых предпочитает драться сам по себе. Но звание тавроса, командира сотни, не давалось кому попало. Даринес был опытным бойцом, который прекрасно знал, что такое дисциплина и что такое приказ. А приказ был прост – ни шагу без разрешения.

– Таврос! – рявкнул Геракл, но сотник и ухом не повел, неспешно шагая в сторону ближайших строений.

– Не стоит волноваться, славный герой, – мягко сказал Архонт, но в его голосе на этот раз сквозило вполне очевидное удивление, смешанное с беспокойством. – Они и в самом деле устали. Но раз тебе не нужен отдых… что ж, пойдем, я кое-что покажу тебе.

Геракл стиснул зубы и глубоко вздохнул, стараясь успокоиться. Что ж… Кронос говорил о магии атлантов… о магии, что порабощает разум. Теперь уже ничего не поделаешь, Архонт понял, что посол Гипербореи неподвластен его чарам, и теперь начнет иную игру, начнет, не будучи готов к ней. Это хорошо… Геракл вдруг почувствовал, как напряжение оставляет его. Теперь они с «гостеприимным» хозяином кое в чем сравнялись – оба лишь смутно представляют, чего можно ждать от собеседника. Вряд ли атланты посмеют убить посла Гипербореи, скорее постараются сделать так, чтобы на обратном пути опасный гость бесследно исчез с корабля. Мало ли случайностей в море – шторм, волны…

– Я готов следовать за тобой, Властитель, – широко улыбнулся он. – Может быть, кто-то из твоих воинов отнесет мое оружие в те покои, что предназначены мне?

Кем-то эта фраза могла быть расценена как благодушие и всецелое доверие к хозяевам этой земли, но те, что лучше знали Геракла, услышали бы в просьбе оттенок угрозы – мол, чтобы справиться с любой опасностью герою не нужно оружие. Уловил ли Архонт второй смысл или нет, но приказ он отдал – один из чешуйчатых, преклонив колено, принял у Геракла меч и грозный лук с колчаном ядовитых стрел и удалился.

– Теперь пойдем, славный воин. Тебе предстоит увидеть много необычного.

Каменные ступени были невероятно ровными – казалось, такое совершенство невозможно создать человеческими руками, здесь наверняка поработала магия. Лестница казалась бесконечной – сотни, тысячи ступеней… Дома, где жили простые граждане Посейдониса, уже давно остались позади. Архонт, с оттенком презрения, называл их жалкими лачугами, но, с точки зрения Геракла, жизнь в таком доме для многих гиперборейцев – не из самых могучих, конечно, – показалась бы истинной роскошью. Чего стоили одни прозрачные окна, не пропускавшие в дом ни холодного ветра, ни обжигающей жары, зато ни в малейшей степени не задерживавшие дневной свет.

Город был укрыт зеленой листвой… великолепные деревья накрывали домики прохладной тенью, а прямо на ветках висели странные плоды – яркие, круглые, цвета солнца. Геракл сорвал один из них, вгрызся зубами в чуть горьковатую кожицу… во все стороны брызнули струйки сладкого сока. Архонт снисходительно улыбнулся, показал, как правильно очистить плод. Ничего подобного Гераклу пробовать еще не приходилось, в Гиперборее это чудо стало бы украшением любого, самого торжественного стола. Здесь же чудо-плоды были доступны даже беднейшему.

И еще… везде была вода. Она текла по глубоким канавам вдоль мощеных камнем дорог, унося к морю нечистоты. Ее искрящиеся струи били из бронзовых статуй, установленных в каменных чашах почти на каждой площади. Вода была чистой… пусть даже и не такой чистой, как та, что можно отведать в лесном роднике – холодную, отдающую запахом хвои, ломящую зубы.

Можно было подумать, что в этом месте могут жить только бесконечно счастливые люди. И верно, жители, что попадались им на пути, казались вполне довольными жизнью – одетые чисто и богато, они неспешно шли куда-то по своим делам.

И все же эта благостная картина не обманула Геракла. Снова и снова он встречал взгляды пустых, ко всему равнодушных глаз. Узнать тех, кого коснулась злая магия атлантов, было несложно – ни тени любопытства, ни капли заинтересованности. На заморского гостя эти люди смотрели как на пустое место, и даже если их губы растягивала приветственная улыбка, она казалась неживой. Улыбались только губы, глаза оставались холодными и капельку печальными. Мертвоглазых было немного, один из десятка, не более. Но город был велик – страшно подумать, сколько здесь ходит рабов, во всем послушных воле Архонтов.

Похоже, их число совсем недавно еще возросло… за счет воинов и гребцов, что прибыли из далекой Гипербореи. Теперь

Геракл со всей отчетливостью понял, что скрывалось за напутствием Кроноса, за его советом не допускать возвращения посланцев Гипербореи на родину. Понял его ужасающую, горькую правоту.

– Это тоже украшение? – спросил он, махнув рукой в сторону высоких, в два человеческих роста, сужающихся кверху шпилей, сделанных из металла необычного серебристого цвета. – Мне кажется, это что-то иное.

– Ты прав, герой, – кивнул Архонт. – Это то, что обеспечивает безопасность нашему прекрасному городу.

– Безопасность? – Геракл изобразил удивление, смешанное с явным недоверием, хотя внутренне весь напрягся. Похоже, он натолкнулся на нечто интересное. – Эти жалкие колючки не смогут остановить воинов. Или вы думаете, что ваши враги испугаются одного их вида?

В интонациях героя звучала издевка – почти на самой грани оскорбления, и вряд ли Архонту удастся уловить нарочитость насмешки. Лишь бы Властитель не попытался уйти от ответа.

Тот и не собирался… просто подбирал слова, дабы объяснить «невежественному дикарю» нечто, вряд ли доступное его пониманию. Ошибка Архонта была вполне объяснима – конечно, даже в Атлантиде слышали о Геракле и его подвигах. Отношения с Гиперборей пусть и были напряжены, но еще не прервались, хотя по молчаливому согласию сторон Властители Посейдониса не являлись с визитом в Олимпийскую цитадель, а гиперборейские маги, в свою очередь, не тревожили атлантов своим присутствием. До последнего времени… да и то явились не сами, а послали пусть и известного, но все же варвара. Пожалуй, Лорд-Протектор проявил бы больше осторожности, если б знал, что Геракл – сын самого Громовержца, пусть и полукровка. Но в родственных связях Зевса досконально разбирались немногие, а сам Геракл о своем родстве с величайшим из живущих гиперборейцев не особенно распространялся.

Но мир, несмотря на его необъятные размеры, все-таки тесен. Посланцы Атлантиды явились во многие племена, дабы обращать их в свою веру, да и гиперборейцам необходимы были и слуги, и работники, и солдаты. Обмен новостями происходил пусть и неспешно, но неуклонно. И о величайшем из героев говорили немало – в основном о его подвигах, об убитых чудовищах, об одержанных победах. Не удивительно, что у Архонта Галаса сложилось мнение о госте, только лишь как об умельце махать своим грубым оружием.

– Эти столпы… смотрителем которых я, кстати, являюсь, держат на себе… э-э… небо, что защищает город от любой угрозы.

– Небо? – Геракл покачал головой, выражая высшую степень сомнения. – Я вижу то небо, что у меня над головой – но я не вижу неба, которое держали бы твои столпы, Властитель Галас. Ты хочешь, видимо, посмеяться надо мной?

Произнося последние слова, Геракл сжал зубы, выпятил челюсть и посмотрел на Архонта мрачно и недобро. Галас пожал плечами.

– Сейчас я не вижу угрозы, славный Геракл, а потому небо… отдыхает. Но его нетрудно вызвать. Пойдем, я покажу тебе, дабы рассеялись все сомнения.

Шагая вслед за Архонтом, гиперборец усмехался – правда, только мысленно. Похоже, все оказалось даже легче, чем он предполагал. То ли Архонту несвойственна была простейшая хитрость, без которой выжить в жестоком и опасном мире было попросту невозможно, то ли его, Геракла, здесь вообще не воспринимали всерьез. Что ж, возможно, за столь пренебрежительное отношение атлантам придется поплатиться.

Они поднялись по узкой лестнице в невысокую башню. Ступени привели в небольшое помещение без стен – вместо стен здесь были все те же прозрачные пластины, сквозь которые можно было легко рассмотреть немалую часть Посейдониса. Большую часть помещения занимало нечто странное – сделанный из металла предмет, вся верхняя поверхность которого была усыпана небольшими, с ноготь, пластинками, часть из которых источали разный свет. Желтый, зеленый, красный… И на каждой пластинке было что-то нарисовано.

О письменности атлантов Геракл знал очень мало. Только то, что каждый такой рисунок означал даже не слово, а несколько, иногда много, слов. Некоторые рисунки казались понятными, смысл остальных ускользал. Аполлон, показывая как-то Гераклу такие же пластинки в своей вимане, объяснял, что это письмо очень удобно – удобнее, чем то, что было принято у гиперборейцев. Смотришь на пластинку – и сразу ясно, что произойдет, если притронуться к ней. В ответ на вопрос о нескольких пластинках Аполлон замялся, явно ощутив неловкость, и пустился в путаные объяснения, из которых герой понял лишь одно – светоносный Аполлон и сам мало понимает в том, что ему доверено.

Рядом с этим сооружением стоял вполне обычный столик, изящный, темного дерева, отполированный до блеска. На столике лежал тяжелый золотой шлем. Архонт поднял его двумя руками, бережно, как великую драгоценность, и надел, а затем повернулся к Гераклу спиной, закрывая от него постамент со светящимися пластинками, даже не обратив внимания, что в прозрачных

плитах прекрасно видно его отражение, как и то, к каким пластинкам прикасаются длинные пальцы Властителя.

Вдруг воздух пронзил надсадный рев… Геракл вдруг осознал, что стоит в боевой стойке, рука закинута за спину, пальцы лихорадочно ищут рукоять меча. Он уже слышал похожий звук – так ревела перед смертью искалеченная Лернейская гидра.

– Не стоит бояться, славный Геракл, – Архонт по-прежнему стоял к герою спиной, но Геракл мог бы поклясться бессмертием олимпийцев, что Галас усмехается нагло и удовлетворенно, считая, что ему все-таки удалось испугать гиперборейца. – Это предупреждение. Каждый, услышав его, должен отойти подальше от тех шпилей, что заинтересовали тебя. Иначе… когда спасительное небо опустится на Посейдонис, неосторожные могут умереть.

– Кому же опасно это ваше небо, вам или вашим врагам? – лицо Геракла снова приобрело каменное выражение.

– Оно опасно глупцам, которые считают себя сильнее неба, – ухмыльнулся Архонт, вкладывая в эти слова еще один смысл, давая понять, что тот, кто посмеет посягнуть на город, защищаемый самим небом, найдет лишь смерть.

На кончиках шпилей вдруг зажглись яркие даже в солнечных лучах звезды. Они разгорались все сильнее и сильнее, и вдруг вверх ударили струи голубого огня. В самой верхней точке синева встретилась – и вдруг разлилась, подобно воде, но не рухнула вниз, на город, а стекла словно по прозрачному куполу. Несколько ударов сердца – и уже город укрыт синим, как полуденное летнее небо, покрывалом.

– Смотри, воин… – голос атланта звучал напряженно. – С юга летят птицы…

То ли гуси не сочли синеву впереди препятствием, то ли вожак стаи был на редкость бесстрашен, но птицы не свернули. Первым в укрывшее Посейдонис небо влетел сам вожак – полыхнула яркая голубая вспышка, затем еще одна, еще. Сквозь синеву видно было не очень хорошо, Геракл с трудом разглядел, как заметались испуганные птицы, как попытались увернуться от всплесков всепожирающего пламени… некоторым это удалось, но большая часть стаи просто прекратила свое существование.

– И так… – Архонт произносил слова медленно, с усилием, – и так произойдет с каждым, кто попытается пройти сквозь защиту города. Да… не хочешь ли сам… попробовать, каково это… держать небо?

– Хочу, – немного торопливо выдохнул Геракл, опасаясь, что Архонт передумает. Скорее всего в этом предложении таился какой-то подвох, но гипербореец готов был рискнуть.

Архонт стянул с себя шлем, его лицо блестело от пота.

– Одевай.

Стоило шлему опуститься ему на голову, как на Геракла обрушилась тяжесть. Это была не привычная тяжесть меча за плечами, не приятная ноша добытого оленя, не тяжкий груз бесчувственного товарища. Словно и в самом деле на него обрушилось само небо… задрожали, прогибаясь, колени, заныла каждая мышца могучего тела. Он стиснул зубы, отчаянно сжал кулаки и невероятным усилием воли заставил себя стоять, хотя более всего хотелось рухнуть на колени, распластаться на полу – что угодно, только бы исчез этот давящий на все тело груз. Ему казалось – еще мгновение, и закаленные мышцы лопнут от чудовищного напряжения – но он держался, чувствуя, как сбегают по лицу капли соленого пота.

Архонт смотрел на варвара сначала с насмешкой, затем с удивлением, а потом и с испугом. Система контроля защитного купола интенсивно использовала не только высокую технологию, но и магию – одними только приборами невозможно было добиться стабильности энергощита. К тому же сейчас, в основном из желания унизить могучего варвара, он включил разрушающий экран на полную мощность, даже тренированные атланты не могли держать защитный купол в этом режиме слишком долго, а простой смертный уже через считанные мгновения должен был потерять сознание, а то и умереть от многочисленных внутренних кровоизлияний. Но этот широкоплечий бородач, опровергая все, что Архонт знал о жителях этого мира, упрямо стоял, обливаясь потом. Или у него огромный скрытый магический потенциал, или жители Гипербореи куда сильнее, чем считали атланты.

Он снова уверился в своем решении не допустить возвращения этого героя в Олимпийскую цитадель. Конечно, Лорд-Протектор должен утвердить это решение, но вряд ли он будет спорить – подготовка к вторжению в Гиперборею еще не закончена, и вступать в конфликт с олимпийцами преждевременно, но природа непредсказуема. Корабли тонут – даже великолепные, надежные и практически безупречные корабли, построенные на верфях Посейдониса. Что уж говорить о корыте, на котором прибыли эти, с позволения сказать, послы. Да, решено – на обратном пути кораблю суждено пойти ко дну. Нужную бурю обеспечить не так уж сложно. Быть может, кому-то из экипажа даже удастся спастись – так будет даже лучше, они смогут свидетельствовать о том, что атланты ни в малейшей степени не повинны в кораблекрушении. Потом, конечно, соболезнования… пусть этот Геракл и известный воин, он не принадлежит к правящей элите Гипербореи, а потому вряд ли

Олимп жестко отреагирует на его гибель. Лорду-Протектору нужно еще немного времени… а потом мнение Олимпа уже никого не будет интересовать.

Пальцы Архонта пробежали по пульту, снижая напряженность поля, а затем и вовсе его отключая. Геракл, ощутив, что тяжесть исчезла, трясущимися руками снял шлем. Волосы слиплись от пота, львиная шкура намокла так, словно он побывал в бане. Перед глазами стояли цветные пятна… он сделал пару шагов и, уже не в силах сдерживать слабость, тяжело сполз по стене на пол.

– Да, держать небо под силу не каждому, – снисходительно заметил Галас, не слишком достоверно натягивая на лицо маску сочувствия. – Тебе нужен длительный отдых, славный Геракл. Я позову слуг, они помогут тебе…

– Я уже… в порядке… – прохрипел гиперборец, с трудом подымаясь. – Может… Властитель Галас… покажет мне что-то еще?

– Если таково желание уважаемого гостя, – развел руками Архонт, – то я к твоим услугам, славный Геракл. Что бы еще ты хотел увидеть?

Тонкое полотнище ткани, заменявшее в этом доме дверь, заколебалось, выпуская наружу массивную фигуру. Покои, которые отвели послу, находились почти в самом центре Посейдониса, на верхнем ярусе одной из пирамид, откуда открывался великолепный вид на Город Золотых Врат. Внизу, у подножия пирамиды, все сияло огнями. Не только драгоценные окна – даже на улицах ночного города горели светильники, давая возможность поздним прохожим легко находить дорогу. Геракл не уставал поражаться такому расточительству – но нарочитое, выставляемое напоказ богатство столицы Атлантиды ничуть не улучшало его мнение об атлантах вцелом. Это был гнилой город, гнилая страна и гнилой народ. Раб всегда свободен хотя бы в праве избрать для себя смерть. Здесь же по улицам ходили, дышали, ели люди, которые были уже мертвы. Что толку в том, что тело способно двигаться, говорить, выполнять приказы? Если мертв дух, то и телу не жить…

Чуть слышно застонав, он тяжело опустился на парапет. Почти все тело было покрыто кровоподтеками, проступившими под кожей от чудовищной нагрузки. Но он не жалел о том, что сделал. Каждая капля знания, которое будет вынесено из-за этих белоснежных стен, поможет Гиперборее одержать победу. Может быть, в его жизни эта победа будет самой важной.

Позади раздался негромкий хлопок, и чья-то рука опустилась на плечо героя. Тот даже не пошевелился – он ждал появления

ночного гостя.

– Радости тебе, могучий Геракл.

– И тебе радости, Гермес. Ты проделал большой путь.

– Я хочу есть, Геракл. После такого полета всегда ужасно хочется есть, – пожаловался Гермес. Дышал он тяжело, словно долго бежал в гору.

– Пойдем в дом, там в достатке еды. И, прошу, говори потише… атланты не стали выставлять стражу прямо у дверей, но внизу, у подножия этой пирамиды, наверняка толчется не менее двух десятков воинов.

Гермес, игнорируя изящный деревянный стул, завис в воздухе и, придвинув к себе большое блюдо с ломтями жареного мяса, кидал в род куски, почти не жуя. Утолив первый голод и запив мясо чуть не половиной кувшина вина, он несколько успокоился, и теперь ел медленно, смакуя.

– Грубая пища, – сообщил он, не прекращая жевать. – Неужели тут не едят ничего более изысканного? Мясо жестковато, вино слабое, эти странные плоды горьки. Правда, козий сыр неплох.

– С плодов надо содрать кожуру, – не удержался от подначки Геракл. С Гермесом это было просто, вечный юноша не обижался на насмешки. – Что касается остального… они спросили меня, чего я желал бы. Откуда я знаю, чем здесь кормят? Потому и сказал – мол, мяса, сыра и вина. Они и расстарались.

– Ладно, сойдет и так, – вздохнул Гермес, изучая очередной кусок сыра, раздумывая, поместится ли он в желудке, или стоит завершить трапезу. С некоторым сожалением отложив аппетитный ломтик, он посмотрел на Геракла.

– Ты плохо выглядишь, герой.

– Ты тоже, гонец, – усмехнулся Геракл.

На самом деле, летать для Гермеса было столь же привычным делом, как, к примеру, дышать. И полет его нисколько не утомлял. Только вот лететь над холодным морем или же над столь же негостеприимными северными землями, чтобы добраться из Гипербореи в Атлантиду, было совершенной глупостью. Да и понадобилось бы на это слишком много времени. Магия позволяла Гермесу перемещаться на огромные расстояния – что и делало его совершенно незаменимым посланником. Магия была непростой, в совершенстве, кроме Гермеса, владел ею лишь Зевс и Арес. Но Громовержец считал ниже своего достоинства путешествовать таким образом, а Арес скорее схватился бы за меч, чем позволил бы кому бы то ни было помыкать собой. Пусть ни Зевс, ни надменная Гера, ни Афродита, интересующаяся в жизни только любовью во всех ее проявлениях, ни вечно

погруженный в свои мысли Гефест никогда не признаются в этом вслух, но обойтись без помощи вездесущего Гермеса никто из них не сможет. Тем более что магия эта могла быть использована магом лишь для перемещения самого себя.

Но каждое такое перемещение выматывало юношу донельзя. Сейчас, осоловев от еды, он нуждался в отдыхе – а как раз этого Геракл позволить ему не мог. В любой момент сюда мог заявиться посланник Архонтов, а то и сам Галас.

Герой коротко пересказал посланнику все, что ему удалось увидеть за этот день. Гермес слушал внимательно, на время отбросив свою маску непоседливого мальчишки. И сразу становилось видно, что несмотря на гладкую, без единой морщинки кожу, по-мальчишески лохматые светлые волосы и довольно-таки легкомысленный наряд, этот человек уже далеко не молод.

– Они слишком уж гостеприимны, слишком откровенны… – прошептал он, выслушав рассказ Геракла.

– Считают меня варваром и хотят поразить своими чудесами?

– Зевс был прав, признаю, – в голосе гонца звучало сомнение. – И все же… Геракл, друг, я бы на твоем месте поостерегся. В любой момент Архонты могут решить, что ты знаешь слишком многое. Ты говоришь, это их небо… оно неприступно?

– Снаружи – да. Пусть даже Галас в чем-то солгал, но я видел птиц, что в мгновение ока превращались в клубки пламени. Но тот, кто сумеет пробраться в башню, быть может, сумеет разрушить эту магию. Мне кажется, сила атлантов тесно связана с их странными вещами. Если сломать этот пьедестал со светящимися пластинками, возможно, это проклятое небо исчезнет.

– Я передам Зевсу твои слова.

– Есть нечто более важное, Вездесущий. Передай Зевсу вот что… ни один Архонт не должен быть допущен в Олимпийскую цитадель. Ни один из Высших Магов не должен встречаться ни с Архонтами, ни с Лордом-Протектором. Ни наедине, ни в толпе. Проклятые атланты делают с людьми что-то странное… и страшное. Я видел их, Гермес, видел людей, в которых нет больше жизни. Только покорность.

Гермес долго молчал, глядя в глаза собеседника, и его лицо становилось все более и более мрачным. Наконец он плеснул вина в чашу, одним глотком влил в себя кисловатое питье, затем, отвернувшись, тихо пробормотал:

– Они… тоже?

– Да, – буркнул Геракл, сразу догадавшись, о ком спрашивает

юноша.

– А ты как же?

Герой лишь пожал плечами. Как бы там ни было, но рассказывать Гермесу или кому-то другому о беседе с Кроносом он не собирался. Хотя бы потому, что об этой беседе вскорости непременно узнал бы Зевс, а Громовержцу, как и атлантам, тоже может прийти в голову мысль, что один известный победитель чудовищ знает слишком много лишнего.

– Ладно, что нового на Олимпе?

Теперь пришла очередь тяжело вздыхать Гермесу. Новости, которые он принес, были не из приятных.

– Над Олимпом бушует гроза…

– С молниями, – понимающе усмехнулся Геракл.

– С ними…

– Кто на этот раз прогневил Громовержца?

– Один из твоих приятелей и дружок другого твоего приятеля, Хирона, – титан Прометей. Зевс и так не отличается долготерпением, а этот наглец посмел нарушить его прямой приказ.

Несмотря на довольно резкие слова, в тоне Гермеса слышалось не так уж и много осуждения. Прометея на Олимпе и уважали, и немного побаивались. Поговаривали, что Прометей обладал даром предвидения и что сам Зевс иногда обращался к нему, дабы узнать свое будущее. Но титан обладал еще одним даром – даром попадать в неприятности.

– Приказ? Зевс издает столько приказов, что не нарушить хоть какой-нибудь из них может только труп. Гера и Афродита часто игнорируют слова Зевса столь явно, что…

– Гера его жена, Афродита… ну, просто очень красива. Им многое прощается. А Прометей… он начал учить южных варваров.

– Он давно этим занимается, – пожал плечами Геракл. – Можно подумать, кто-то на Олимпе этого не знает. Да и кто из вас, олимпийцев, время от времени не снисходит до того, чтобы научить чему-нибудь людей.

В его голосе звучала искренняя горечь. Несмотря на чудовищную силу – дар гиперборейской крови, несмотря на некоторые, пусть и незначительные, магические способности, он всегда чувствовал себя ближе к людям, чем к олимпийцам. И несколько пренебрежительное отношение к простым смертным со стороны подавляющего большинства гиперборейцев, даже лучших из них – Афины, Гермеса, Гефеста и некоторых других – претило ему. Артемида передавала людям свое непревзойденное охотничье мастерство, Гермес учил письму и счету, даже Аполлон делился кое-чем из врачебного искусства. Даже Афродита… хотя

ее знания были весьма специфическими. Но все это было не более чем игрой, не более чем способом убить скуку бесконечной череды лет. Вполне вероятно, что и на развязывание войны с Атлантидой Зевс пошел именно из тех же самых побуждений – интриги Олимпа остались в прошлом, могучий Кронос навсегда ушел в Тартар, и его сын устал заниматься мелкими, незначительными делами. Зевсу хотелось великих свершений – и война с сильным противником как нельзя лучше соответствовало его желаниям. Тем более что Посейдонис дал достаточный повод. А достаточным поводом Зевс счел бы даже косой взгляд в свою сторону.

– Пока дело касалось гончарного ремесла и прочих мелочей, Зевс смотрел на развлечения Прометея сквозь пальцы. Но этот наглец попытался обучать людей огненной магии.

Геракл присвистнул – да, это было серьезно. Вряд ли что-то могло вызвать больший гнев олимпийцев, чем попытка отдать людям самые оберегаемые тайны Гипербореи, стихийную магию. Прометея нельзя было назвать очень уж опытным магом, титаны никогда не достигали в этом искусстве особых высот, из-за чего и проиграли титаномахию, десятилетнюю войну, развязанную Зевсом. Позже Зевс неоднократно утверждал, что титаны первые взялись за оружие, якобы пытаясь защитить Кроноса от «неблагодарного сына». На самом деле непокорные и самолюбивые титаны с их интуитивным владением магией, основанным более на зове крови, чем на тщательном и долгом обучении, были угрозой Олимпу. И эту угрозу, как и многие другие и до, и после титаномахии, предусмотрительный Зевс успешно ликвидировал. Позже он «милостиво» простил уцелевших, допустив их до Олимпа, – но навсегда оставил за титанами не более чем третьи роли.

Веками кровь олимпийцев и титанов по каплям вливалась в кровь людей. Никто из Высших не интересовался последствиями своих любовных связей – по крайней мере связей со смертными. Мало кто, подобно Зевсу, приближал к себе своих детей. Но гиперборейская кровь, дававшая способность к владению магией, распространялась все шире и шире… И потому среди смертных, при желании, можно было найти немало таких, кому оказались бы подвластны запретные для них силы. Гиперборейцы не могли не понимать, что сотня могучих магов не способна устоять против тысяч пусть и плохо обученных, но все же кое-что умеющих. Так что большинство из гиперборейцев видели в людях-магах угрозу если не собственному существованию, то уж своему праву повелевать – наверняка.

Прометей, маг от крови, не владел навыками эффективного

обучения магии – и потому мог научить немногому. Но даже то, что он мог и намеревался передать людям, было преступлением. Не с точки зрения самого Геракла, способности которого к магии были столь незначительными, что о них не стоило и говорить, – а потому он не видел ничего дурного в том, чтобы научить чему-либо полезному тех, кто способен научиться. Но он понимал, что его позицию разделяют немногие, а потому, вероятно, узнав о поступке Прометея, на дыбы поднялся весь Олимп.

– Прометей решил, что Зевс закроет глаза и на это? Вряд ли, он слишком мудр. К тому же он видит грядущее.

– Вот именно… – хмыкнул Гермес, снова потянувшись за вином. – Нет, Геракл, что ни говори, но атланты совершенно не понимают, каким должно быть хорошее вино. Вино, друг мой, это дар небес, дар солнца… а это – ослиная моча.

Он плеснул в чашу густую красную жидкость, сделал долгий глоток и сокрушенно покачал головой.

– Мда-а… так вот, Прометей, как обычно, полон дурных пророчеств. Он утверждает, что Гиперборею ждет скорая гибель.

– Гиперборею или гиперборейцев?

– А это не одно и то же? – фыркнул Гермес. – Я как-то не задумывался над этим, да и пророчества Прометея всегда туманны. Он и людей-то учить начал, дабы не утратилось древнее знание о магии. Как ты понимаешь, долго это не продлилось. Теперь титан прикован к скале… надежно прикован, говорят, Гефест плакал, когда надевал железные браслеты на его руки.

– Железные?

– Разумеется. Холодное железо успешно гасит магию, и преступник не сможет освободиться. Но знаешь, Геракл, самое печальное не в этом… там, в горах неподалеку, гнездо орлов. Они повадились… противно даже думать об этом, друг, но они жрут Прометея заживо. А тот… а тот использует те крохи магии, что пробиваются сквозь железо, чтобы лечить свое тело.

Геракл нахмурился, на скулах заиграли желваки.

– Никто… никто и никогда не смел так обращаться с титанами. Одно дело свергнуть их в Тартар, лишив бессмертия… и совсем другое – обречь на такие мучения.

Гермес некоторое время молчал, затем вздохнул.

– Мне кажется, Громовержец погорячился. И теперь рад найти подходящий повод, чтобы освободить Прометея, – увидев неприкрытое сомнение в глазах собеседника, он заторопился, – пойми, Геракл, чтобы Зевс отменил свой собственный приказ, повод должен быть достаточно веским. Но, повторяю, это только мое мнение. Многие олимпийцы недовольны наказанием… Зевсу не впервой идти против желания своих детей, но сейчас, накануне

войны, Олимпу необходимо единство. Поговори с ним, Геракл, может, он внемлет просьбе сына?

3

Мачта скрипела, ветер гудел в канатах, натягивал парус с такой силой, что, казалось, в любой момент ткань может лопнуть, уступив дикому напору стихии. Это был непростой ветер, ветер, посланный братьями Бореем, Зефиром, Евром и Нотом… Здесь, на столь значительном удалении от Гипербореи, для управления ветрами необходимы были совместные усилия всех магов воздушной стихии, и братьям, не испытывавшим друг к другу особой любви, пришлось на время объединиться, уступив прямому приказу Зевса.

Геракл стоял у борта корабля и задумчиво смотрел на проносившиеся мимо волны. Прошли уже сутки с тех пор, как корабль отошел от пристани, направляясь к родным берегам, – и все это время его не покидало чувство опасности. За дни, проведенные в Посейдонисе, он многое увидел, и теперь понимал, что не в интересах Архонтов позволить ему прибыть с этими знаниями в Олимпийскую цитадель. Он надеялся, что им неизвестно о Гермесе, который посещал Геракла каждую ночь… хотя, по большому счету, для уготованной ему судьбы это было безразлично.

Он посмотрел вверх, на небо… тучи, нависшие над морем словно толстое черно-серое одеяло, двигались неправильно, не так, как обычно. Да и ветер внезапно переменился, закручиваясь вихрями, которые, сливаясь, постепенно образовывали смерч, обещавший набрать чудовищную силу. Это значит, в дело пошла магия высшего порядка, магия стихий. Сейчас гиперборейцы вступили в первую открытую схватку с Архонтами, пусть и не лицом к лицу, пусть лишь посредством могучих стихийных сил… Но до родного берега было далеко, а стихийная магия весьма чувствительна к расстоянию. Лишь четверо из гиперборейцев могли править могучими ветрами, умений остальных хватало лишь на легкий ветерок да на небольшой, короткий дождик. Даже Зевс мог вызвать не более чем небольшую грозу… правда, его молнии способны были дробить скалы. Геракл видел, что братья-ветры, как их часто называли, проигрывают схватку… и угроза, нависшая над его кораблем, становится все более серьезной.

Сквозь завывание ветра и рокот волн, беспорядочно хлещущих о борт корабля, послышался иной звук. Шаги… нет сомнений, Властитель Галас не ограничится одной лишь бурей, наверняка он принял и другие меры, чтобы уважаемый посол случайно не уцелел в буйстве стихий.

Мышцы напряглись, пальцы сомкнулись на рукояти меча.

При таком ветре выстрел из лука, даже с нескольких шагов, не даст уверенности в исходе – шквал наверняка отклонит стрелу в сторону. Поэтому дело решат клинки.

Геракл скользнул в сторону, и в борт, где он только что стоял, врезалось отточенное лезвие, расщепив мокрые доски. Меч, великолепный дар Гермеса, коротко сверкнул, отразив вспышки сверкающих в небе молний, и начисто отсек руку тавроса… сотник пошатнулся, мгновение тупо смотрел, как струя крови бьет из обрубка, а затем ухватил меч левой, и снова атаковал. А на помощь к нему уже спешили другие – с мертвыми глазами, в которых не было ни ярости, ни злобы, ни ненависти… они казались ненастоящими, как порождение сна, как отголосок ночного кошмара. Люди с равнодушными лицами, которые шли убивать своего родича… не ради славы, не за золото, не из мести. Просто потому, что таков был приказ.

Гераклу приходилось убивать – и не раз. Но впервые ему предстояло поднять оружие на тех, кого еще не так давно считал своими соратниками. Биться с Лернейской гидрой или Немейским львом было много проще – там было ясно, кто враг.

«Они уже не люди, – мелькнула мысль. – Они рабы… нет, они много больше, чем просто рабы. Они живые мертвецы, и мой долг отправить их туда, где им самое место… во мрак Тартара». Он вновь почувствовал прилив безумия – не вовремя, ох как не вовремя. В порыве бешенства он переставал думать о защите, стремясь лишь убить. Это было опасно – но проклятый дар Геры побороть было невозможно. Красная пелена затягивала разум, отметая прочь возможные мысли об осторожности… и о милосердии.

Его меч наносил короткие, злые удары – и каждый удар находил цель. Пару раз задели и его, длинный разрез пересек бицепс левой руки, заливая кровью плечо, бок пронзала острая боль. Таргос, мальчишка, взявший в руки оружие всего лишь несколько лет назад, которого Геракл вообще не считал серьезной угрозой, сумел подобраться к герою слишком близко, со спины, и нанести подлый удар. Теперь его тело лежало, перевесившись через борт, разрубленное почти пополам, но последствия подлого удара продолжали сказываться. От потери крови Геракл слабел, каждый следующий удар давался нелегко. Пока его спасало только то, что мертвоглазые нападали все сразу, изрядно друг другу мешая. Но они были опытными воинами, и Гераклу приходилось отступать.

Шаг назад… наклон… над головой со свистом проносится тяжелое бронзовое лезвие. Меч Геракла устремляется вперед – пусть броня воинов, что назначены были в свиту посла

Гипербореи, и выкована в горне самого Гефеста, но и меч в руках героя вышел из-под того же молота. Сделанный Гефестом для его любимого сводного брата Гермеса, этот меч был одним из лучших творений хромого мага-кузнеца. Лезвие без труда проломило броню, вспороло кожу, рассекло внутренности… Воин словно бы даже не заметил смертельной раны, его меч обрушился на голову Геракла, и тому с огромным трудом удалось уклониться от убийственного удара. Другой клинок полоснул по боку – к счастью, жесткая львиная шкура удержала удар.

Наотмашь он ударил по толстому просмоленному канату. Даже меч Гермеса не смог бы перерубить скрученные жилы, но удар пришелся в мачту, и канат оказался между лезвием и мокрым деревом. Победно хлопнул почуявший свободу парус, удар тяжелой ткани смел сразу двоих мертвоглазых в сошедшее с ума море – а мгновением позже, затрещав, рухнула мачта, расплющив еще одного.

К несчастью, воинов, которые еще недавно служили Гиперборее, а теперь жаждали пролить кровь сына Зевса, было много, и все они, даже те, кто были юны годами, успели овладеть мастерством боя. Прошло немало времени, прежде чем Геракл тяжело рухнул на мокрые от крови и дождя доски, чувствуя, как медленно уходит прочь слепящий туман ненависти и злобы. На нем почти не было живого места. Две глубоких раны в правое бедро, распоротый бок, волосы слиплись от крови, сочившейся из резанной раны – опасный удар, лишь чудом не пробивший череп. Грудь его тяжело вздымалась от усталости, зубы скрипели, гася стон. Окажись на корабле еще один мертвоглазый, он мог бы без труда задушить Геракла голыми руками. Даринес пал последним, пал просто потому, что истек кровью, добить его у Геракла уже не было сил.

Но живых врагов более не осталось. Вся палуба была усыпана телами… большей частью, частями тел. Мертвоглазых приходилось рубить на куски, они не чувствовали боли ран, не обращали внимания на кровь, хлещущую из отсеченных конечностей. Даринес, лишившийся руки в самом начале боя, получивший страшный удар в ногу несколькими мгновениями позже, сумел нанести своему бывшему командиру последнюю рану в бедро… он полз по палубе, оставляя за собой кровавый след, а Геракл был уже слишком измотан, чтобы смотреть под ноги.

А буря набирала силу… Уже не один – три черных щупальца смерчей шарили по бушующим волнам, словно и в самом деле пытаясь нащупать корабль с одним-единственным пассажиром. Геракл не смотрел на небо – он медленно, с трудом ворочая

ставшими вдруг непослушными пальцами, перетягивал раны обрывками одежды поверженных противников. Думать о том, что будет дальше, ему не хотелось… рано или поздно, но конец придет. Либо один из смерчей ударит в корабль, в одно мгновение превратив его в груду летящих в воздухе обломков, либо волна проломит борт. А может, корабль просто пойдет ко дну – там, под досками палубы, уже вовсю плещется вода. Так или иначе, но вряд ли ему суждено уверить берег.

Перед глазами мелькали какие-то образы… ехидно улыбающийся Властитель Галас сменился лицом Алкмены, седой, но по-прежнему красивой, затем почему-то появился Гермес, он выглядел обеспокоенным…

– Рад видеть тебя, друг, – пробормотал призраку Геракл, улыбаясь. – Вот как все получилось. Передай Зевсу… нет, ничего ему не передавай. Скажи, что последняя просьба… пусть освободит… Прометея…

– Сам ему это скажешь, – прохрипел Гермес, по совсем непонятной причине оказавшийся очень реальным. – Это корыто вот-вот пойдет ко дну. Вставай, герой, вставай, куча дерьма! Я не подниму твою тушу… Вставай!

Сквозь завесу дождя пробилось сияние, послышался знакомый вой – негромкий, более похожий на стон – и почти над самой палубой зависла огненная колесница Аполлона, таинственная вимана, так толком и не изведанный дар атлантов. Странной округлой формы дверь распахнулась, оттуда показалась рыжеволосая фигура, как обычно наряженная в изысканный белый хитон с золотым шитьем. Наверняка Аполлон, большой любитель богатой одежды, даже отправляясь на войну, не сочтет нужным сменить тонкую, почти невесомую ткань на грубые доспехи.

Почти в тот же момент огромная волна ударила в борт корабля, столб брызг окатил Аполлона, чуть не сбросив его в воду.

– Быстрее! – закричал в мгновение ока вымокший до нитки хозяин небесной колесницы. – Быстрее! Борей и остальные держатся из последних сил! Им не выстоять долго!

– А что я могу сделать? – заорал в ответ Гермес, отчаянно пытаясь помочь Гераклу встать на ноги. И верно… Гермес был магом, он был гиперборейцем по крови, но силы юному и щуплому телу недоставало. Окажись здесь могучий Гефест, даже хромота не помешала бы ему одной рукой зашвырнуть лишившегося сил героя в спасительное и безопасное нутро виманы.

Схватив меч, выпавший из руки Геракла, юноша в несколько

ударов перерубил канат, едва успев поймать его – ветер чуть было не унес просмоленную веревку за борт. Накинув петлю на Геракла и затянув ее, он швырнул свободный конец Аполлону.

– Привяжи к чему-нибудь!

Тот понял, ненадолго скрылся внутри виманы, затем выглянул снова.

– Привязал… но если эта дохлая туша сломает что-нибудь важное, я лично помогу ему отправиться в Тартар!

Надсаживаясь, до крови срывая кожу с нежных, не привычных к труду ладоней, двоим гиперборейцам удалось втянуть непослушное, почти бесчувственное тело Геракла в виману. Выбившийся из сил Аполлон рухнул на сиденье, пятная все вокруг себя кровавыми следами. Да и под телом потерявшего сознание Геракла уже натекла немалая лужа, темная и липкая.

– Готово! – издал победный вопль Гермес, захлопывая дверь виманы, и одним прыжком влетел во второе сиденье. Лицо вечного юноши сияло. – Лети отсюда, Златокудрый!

Словно в ответ на эти слова длинный хобот смерча зацепил корабль. Даже сквозь грохот волн и вой ветра слышно было, как застонало раздираемое дерево, как затрещали ломающиеся доски. В мгновение ока корабль исчез, превратившись в вихрь обломков, волна тугого воздуха швырнула виману так, что та лишь чудом не рухнула в воду. Аполлон отчаянно дергал странный рычаг, пытаясь удержать обезумевшую колесницу в воздухе.

Наконец вимана устремилась вверх. Вокруг били молнии, струи дождя хлестали по прозрачному окну, словно надеясь вернуть огненную колесницу в объятия океана. Когда буйство стихии, вызванное битвой магов двух великих государств, осталось позади, Гермес перебрался на корму виманы и приник к заднему окну, с совершенно мальчишеским восторгом разглядывая чудовищную тучу, поблескивающую голубоватыми вспышками, словно сам Зевс вступил в схватку, обрушивая на врага свое излюбленное оружие.

– Сильны Архонты, – прошептал он. – Я думал, нет ничего в Ойкумене, что может устоять перед объединившимися братьями-ветрами.

– Громовержец еще не сказал последнего слова, – чуть надменно ответил Аполлон, к которому вместе с уходом бури вернулась уверенность. – Ничто не способно противостоять мощи Гипербореи, тебе не следует этого забывать.

Гермес хмыкнул, чуть насмешливо, чуть печально. Аполлон слишком много интересовался искусствами, и слишком мало – истинным положением дел в Олимпийской цитадели. Даже вимана – чудо, которое он так до конца и не постиг – не могла

убедить его в том, что есть нечто, недоступное пониманию гиперборейцев. А Гермес, немало выслушавший рассказов Геракла и кое-что успевший увидеть сам, прекрасно понимал, что Посейдонис будет страшным противником в предстоящей и уже ставшей неизбежной войне.

Внезапно его внимание привлекли две крошечные золотые искорки, вынырнувшие из-под черных облаков.

– Златокудрый, я вижу что-то странное… кажется, атланты преследуют нас.

Гермес оказался прав. Золотые искорки быстро увеличивались в размерах, превратились в две брызжущие светом виманы, точно такие же, как у гиперборейцев. Они приблизились, затем вдруг из них вырвались слепящие огненные стрелы, нацеленные в виману Аполлона. Гермес уже видел эту магию – именно благодаря ей Аполлон снискал прозвище «Стреловержец». Огненные стрелы несли разрушение, и страшно было подумать, что случится с виманой, если угроза не минует ее.

Аполлон отчаянно рванул свое правило, уводя виману от опасности. Может, он и не был мудрейшим из олимпийцев, но там, где атланты использовали свои виманы лишь в качестве летающих повозок, Аполлон наслаждался чудесной игрушкой, и теперь управлял ей уверенно и дерзко, швыряя утлый челнок из стороны в сторону. Огненные стрелы промчались мимо, ударили в воду, подняв столбы пара. Враг выпустил новые стрелы, и вновь не достиг цели – а гиперборейская вимана уже развернулась ему навстречу, и навстречу атлантам взметнулся веер огненных лучей.

Одна из виман выпустила нечто, оставляющее за собой тонкую струйку дымного следа. С таким оружием – а в том, что это именно оружие, сомневаться не приходилось – Аполлон еще не сталкивался. И сталкиваться не собирался… но небольшой предмет упорно следовал за виманой, повторяя все ее повороты, приближаясь с каждым мгновением. Несколько матовых пластинок слева от Аполлона, ранее безжизненные, вдруг вспыхнули раздражающе-алым светом, раздался женский голос, показавшийся Гермесу встревоженным. Женщина говорила, видимо, на языке атлантов, слова были непонятны, да и Аполлону некогда было их слушать, он полностью сосредоточился на управлении колесницей.

– Вниз, к самой воде! – крикнул Гермес. Ему приходилось играть с орлами и другими хищными птицами, и он умел обмануть их, не дать коснуться себя. – Вниз, потом сразу вверх!

Аполлон понял, и вимана устремилась к бушующим волнам… Геракл покатился по полу, ударился обо что-то жесткое, застонал,

приходя в сознание. Почти у самых пенных гребней суденышко развернулось и почти вертикально ушло в небо. Преследовавший ее по пятам предмет не сумел столь резко изменить курс, и ударился о воду – раздался грохот, сам океан, словно живое существо, взметнулся ввысь, чтобы ухватить уходящую добычу… но достать беглянку водяной столб не сумел.

Теперь уже сразу три дымных следа устремились к верткому гиперборейскому кораблику. Снова заговорил женский голос, его слова были иными, а тон – еще более встревоженным. Голос отвлекал Аполлона, который уже мысленно представлял себе чертоги Тартара – ему едва удалось увернуться от одной опасности, и надежды справиться сразу с тремя было немного. Он отчаянно хлопнул ладонью по алым пластинкам, надеясь заглушить говорящую… в ответ прозвучала короткая фраза, и вимана содрогнулась. Гермес вскрикнул от изумления – неподалеку, не более чем в трети стадии от виманы зажглось маленькое, но ослепительно яркое солнце – и тут же все три странных предмета изменили направление своего полета, устремившись к новой цели. Они достигли ее одновременно – полыхнуло так, что Гермесу пришлось зажмуриться от рези в глазах, по щекам потекли слезы…

А Аполлон уже разворачивал свою колесницу, посылая вперед сноп огненных лучей. Один из них краем зацепил врага, вимана атлантов дернулась, но выровняла полет…

Может быть, атланты весьма посредственно умели управлять своими колесницами, зато они прекрасно могли оценить угрозу для себя. Даже всесильный Архонт, попав под удар огненной стрелы, вряд ли сумел бы остаться в живых. Обе виманы развернулись, и, резко набрав скорость, в считанные мгновения затерялись среди штормовых облаков.

– Они опоздали, – процедил Аполлон, снова возвращая свою колесницу на прежний курс. – Если бы Архонты не стали играть с ветрами и громами, а сразу обрушили бы свои огненные стрелы на корабль нашего славного друга Геракла, нам осталось бы лишь оплакивать его.

– Ты прав, Златокудрый, – Гермес все еще не покидал своего наблюдательного поста, – ты прав. Но теперь поспешим, думаю, Лорду-Протектору не понравится, что его слугам не удалось ввергнуть нас во тьму Тартара.

Геракл лежал на полу, стискивая зубы, чтобы не стонать от боли. Он не очень понял, о чем говорили олимпийцы – но и сам мог бы сказать то, что стало ясно всем. Теперь война из некой отдаленной перспективы стала реальностью. Пройдет совсем немного времени, и войска Посейдониса двинутся к берегам

Гипербореи.

– Кентаврос, славный Геракл просит тебя о встрече, – воин коротким движением отсалютовал Хирону и замер в ожидании ответа.

– Веди! – глаза кентавроса вспыхнули, он давно хотел увидеть старого друга, но пока над изрубленным телом героя колдовали лучшие лекари Гипербореей, включая даже – редкий случай – самого Аполлона, который слыл одним из лучших мастеров в части лечения воинских ран, о встрече не могло быть и речи. Раз Геракл приглашает, значит, целители признали его идущим к выздоровлению и избавили его от большей части своей опеки. Мысли о том, что так же лекари поступают и в отношении тех, чей уход в Тартар уже не вызывает сомнений, Хирон старался не допускать.

Армия Гипербореи, спешно создаваемая по типу той, что давно уже сформировали атланты, все еще была небольшой. Ранее Олимпу не требовалось много войск, чтобы держать в подчинении многочисленные варварские племена… да, признаться, Зевс и не особо стремился окружить себя бессловесными рабами. Многие варварские вожди предпочитали платить небольшую и не слишком обременительную дань могучим гиперборейским магам, но в остальном сохранить полную свободу. Это устраивало и олимпийцев – менее всего маги желали бы управлять невежественными и буйными дикарями. Искусство, наука… и, в немалой степени, непрекращающиеся придворные интриги занимали их куда больше, чем перспектива разбирать малозначительные споры, кого-то карать, кого-то одаривать милостями. Власть – особенно власть абсолютная, приблизиться к которой они могли без труда, немало требует не только от подданного, но и от властелина. Будучи неистребимыми индивидуалистами, каждый из гиперборейцев превыше всего ценил свою собственную свободу. Подчиняясь Зевсу, как доказавшему свое превосходство и, что тоже имело значение, как прародителя многих из них, они желали бы этим и ограничиться.

А потому уже довольно давно между хозяевами Олимпийской цитадели и закутанными в шкуры, кое-как вооруженными варварами, сохранялись довольно простые отношения. Одни приносили жертвы, другие не вмешивались в дела смертных. Иногда кто-то из олимпийцев снисходил до того, чтобы чему-то научить то или иное племя, но случаев этих было не так уж и много, и вызваны они были скукой, а не какими-то обязательствами.

Сейчас же ситуация изменилась. Угроза экспансии

Посейдониса заставила Гиперборею ощетиниться оружием. Однако Арес и Афина вдруг не без огорчения обнаружили, что варвары, всегда охотно проливающие кровь соседей, не очень горят желанием вступать в армию Олимпа. И еще меньше желают подчиняться дисциплине – для каждого бойца единственным авторитетом был собственный вождь, с которым его связывали и узы крови, и просто привычка.

И все же желающие нашлись. Немного. Около десяти тысяч бойцов под руководством опытных тысячников-кентавросов, вооруженные бронзовым оружием, могли без особого труда пройти из конца в конец всю Ойкумену, стерев в порошок крошечные отряды мелких племенных вождей. Но по сравнению с полками Атлантиды вся эта мощь выглядела довольно убого.

И все же Хирон и другие кентавросы делали все, чтобы укрепить границы Гипербореи, установить заслоны против врага. Повсюду возводились небольшие крепости, воины оттачивали свое мастерство – особенно в части умения биться строем, прикрывая друг друга, дабы не превращать сражение в массу одиночных схваток.

Хирон был первым, кто отказался от колесницы, пересев на спину коню – с высоты ему куда лучше было видно, что делают его бойцы. Спустя какое-то время верховая езда стала отличительным признаком кентавросов… среди варваров, особенно тех, чьи земли лежали достаточно далеко от Гипербореи, даже ходили легенды, что могучие северные кентавросы есть не что иное, как чудовища с телом лошади и торсом человека. Мечтой Хирона было посадить на лошадей всю или большую часть армии, дав ей возможность быстро перемещаться. Недостаток численности можно в некоторой степени компенсировать тем, что войска оказывались бы в нужном месте как можно скорей.

Пока что этим планам не суждено было осуществиться. Воины, вполне одобрявшие серпоносные колесницы, не желали и слышать о том, чтобы сесть на коней…

Хирон только что прибыл в цитадель с побережья, где небольшой, с гарнизоном всего в три десятка человек форпост Гипербореи подвергся внезапной атаке с моря. Кентаврос надеялся, что эта весть не оставит равнодушным Зевса, но Громовержец все время откладывал аудиенцию, будучи занят какими-то своими, видимо, очень важными делами. И Хирон откровенно скучал, одновременно понимая, что без толку теряет драгоценное время.

Он вихрем ворвался в комнату, где на постели, в окружении подушек и одеял, лежал Геракл. В глаза сразу бросилась

неестественная бледность, заливавшая смуглое лицо друга. Герой потерял много крови и несколько дней находился буквально на грани смерти. Целители прекрасно понимали, что цена их ошибки – жизнь. Не Геракла, разумеется, а их собственная… вряд ли Зевс оставит без последствий смерть сына, пусть даже полукровки. И потому старались изо всех сил.

Теперь же это могучее тело было вне опасности, и все же даже на то, чтобы улыбнуться старому другу, Гераклу потребовалось немало сил. Движением глаз он указал Хирону на небольшое кресло. Кентаврос, ничуть не уступающий герою шириною плеч и ростом, осторожно опустился на застонавшее от непомерной тяжести сиденье.

– Радости тебе, – прошептал раненый одними губами.

– И тебе, друг, – Хирон не сводил взгляда с многочисленных повязок, за которыми почти не было видно тела. – Это был славный бой, как я вижу.

– Ничего славного… – скривился Геракл не столько от пронизывающей тело боли, сколько от воспоминаний. – Расскажи… я уже слышал, тебе тоже довелось сражаться?

Понимая, что другу сейчас куда легче слушать, чем говорить, Хирон приступил к рассказу… Да, наверное, первым это должен был услышать Зевс, но раз уж Громовержец не считает нужным выделить для кентавроса время, нет смысла далее молчать. Тем более что несмотря на относительную незначительность стычки, это было первое настоящее столкновение регулярных войск Атлантиды и Гипербореи. Проба сил… и неизвестно, как будут оценены результаты инцидента.

– Крепость называется Йодль… называлась, – он поморщился, вспоминая дым пожарища, поглотившего бревенчатые стены укрепления. – Обычная пограничная крепость, тридцать воинов, один таврос. И я. Я приехал посмотреть, как идут тренировки. А поутру…

Два узких хищных корабля атлантов причалили к берегу, укрываясь промозглым утренним туманом. Это были корабли, предназначенные для пересечения океана, а потому вплотную к галечной косе они подойти не смогли. Но это не остановило воинов, что в полном вооружении прыгали прямо в ледяную воду, тут же погружаясь по плечи, и уверенно брели к берегу.

Их было около сотни – одинаково одетых, одинаково вооруженных. Тусклая чешуйчатая броня – вождь любого из варварских племен за такие доспехи отдал бы и жен своих, и дочерей, да еще и приплатил бы стадом добрых коров – укрывала их от колен и до самой шеи, короткие бронзовые мечи, копья с

длинными, в локоть, тонкими наконечниками, отменно приспособленные для метания. У каждого второго – лук.

Северяне, пребывающие в крепости, высадку врага прозевали. И кентаврос, позаботившись о страже на стенах, не подумал о том, чтобы послать патрули на берег. А потому, когда полусонные воины, разбуженные отчаянными воплями сигнальных труб, выбегали из спального дома полуодетые, едва схватившие то оружие, что попалось под руку, на стенах уже шел безнадежный бой. Гиперборейской армии пришлось узнать, что такое штурмовые лестницы – не менее десятка воинов Атлантиды преодолели невысокую стену в мгновение ока, и бревна тут же окрасились свежей кровью.

Будь они лучше обучены, у захваченных врасплох защитников Йодля не было бы ни единого шанса. Но враги полагались больше на количественный перевес и на прочность бронзовой чешуи, чем на боевую выучку. Потеряв треть своих бойцов, Хирон все же сбросил штурмующих со стены. В этой, самой первой стычке погиб таврос Птолемис, многие из оставшихся в живых были ранены. Сам Хирон не получил ни царапины – он был с ног до головы залит кровью, но кровь эта была чужой.

– Мне стало страшно, друг, – на скулах кентавроса заиграли желваки, ему не часто приходилось признаваться в том, что и он, бессмертный, подвержен страху. – Мне было страшно… они шли на наши мечи, шли неумело, но на их лицах было полное равнодушие к смерти. Я видел одного, что продолжал драться, несмотря на комок кишок, что волочился за ним, выпав из разрубленного живота. А те, что не обращали внимания на отрубленную руку или выбитый глаз… Клянусь тьмою Тартара, это не люди! У них не человеческие глаза, поверь, я видел это, я знаю.

Геракл чуть заметно кивнул. Он уже понял, кем пожертвовали Архонты ради этого пробного, ни к чему не обязывающего боя. Проверить на прочность оборону Гипербореи, бросить на убой сотню мертвоглазых… Что им сотня, армия Посейдониса неисчислима, как с гордостью и ноткой угрозы говорил Властитель Галас. И вряд ли это было лишь пустой похвальбой.

Хирон продолжил рассказ. Довольно долго осаждающие пытались поджечь крепость огненными стрелами – безо всякой магии, обычными стрелами, обмотанными горящей просмоленной паклей. Это ни к чему не привело – последние несколько дней стояла отвратительная сырая погода, холодный моросящий дождь время от времени сменялся столь же сырым неприятным туманом. Дерево частокола, стены и крыши казарм – все отсырело и теперь упорно не желало загораться. Но даже если

бы дерево было сухим, Йодлю не стоило опасаться пожара – на частокол пошли мореные стволы, которые не так легко поддаются огню.

И все же лучники сделали свое черное дело – защитники потеряли еще двоих бойцов, луки у мертвоглазых были отменные и били далеко. Туман словно нарочно не рассеивался – напротив, становился все гуще, и уже почти не было видно, откуда летят стрелы… Сам Хирон взялся за лук, а он считался лучшим стрелком в Гиперборее, после, разве что, Аполлона – но и он не мог бы с уверенностью сказать, сумел ли поразить хотя бы одну цель.

А потом, убедившись в бесполезности огненных стрел, сквозь туман к кое-где закопченному частоколу двинулись с трудом различимые фигуры… Два десятка уцелевших воинов выдержали еще один штурм, после чего их осталось семеро. Но и мертвоглазых уцелело немного, от силы десяток. Хотя все гиперборейские солдаты – в том числе и Хирон – уже были ранены, они понимали, что выиграли этот странный, бессмысленный и жестокий бой. Кентаврос отдал приказ атаковать – все равно уцелевшие уже не могли надежно защищать стены. Но, словно ожидая этого приказа, и агрессоры пошли на штурм…

– Когда все закончилось, нас осталось трое, – кентаврос вздохнул, провел рукой по шее, которую пересекал свежий, только что затянувшийся шрам. У бессмертных раны заживают быстро, но даже бессмертного можно убить. Геракл видел – пройди удар чуть выше, и его старого друга не спасли бы уже никакие лекари. – Эти твари полегли все, до последнего.

– Вы победили… – Геракл попытался улыбнуться.

– Это была не победа! – рыкнул Хирон, и глаза его метнули молнии. – Это была бойня… и, клянусь тьмою Тартара, нас резали как свиней. Да, их было втрое больше, да, они все остались там, у стен Йодля. Геракл, ты должен понять… Там, где Гиперборея наберет тысячу бойцов, Посейдонис без труда выставит пять. Или десять. Я не знаю, что Архонты делают с людьми, но лучше сразиться с пятью живыми людьми, чем с парой этих ходячих трупов. И еще… я видел – там, чуть ниже облаков, висела вимана. Не думаю, что это была та, которой правит Златокудрый Аполлон. Я знаю, там сидели Архонты – и они смотрели на то, как умирают люди… просто смотрели.

– Я понимаю… – Геракл попытался приподняться, но тут же вновь откинулся на подушки, лицо его побледнело еще больше. – Я все понимаю, друг. Но ты должен знать…

Договорить ему не дали.

Дверь распахнулась, и вошел посыльный.

– Кентаврос, – он отвесил Хирону короткий поклон, – Зевс-Громовержец желает видеть тебя.

– Иди, – прошептал Геракл, – иди, скажи ему все. А потом возвращайся, нам надо кое о чем поговорить.

Хирон вернулся – но только для того, чтобы попрощаться. Приказ Зевса гнал его к границам Гипербореи, спешно укреплять заставы, усиливать гарнизоны. Гиперборея готовилась к войне – к войне, которую толком не знала, как вести. Ни кентавросов, ни даже Ареса и Афину нельзя было назвать стратегами, хотя двое последних всерьез на это звание претендовали. До сих пор стычки с полудикими варварскими племенами, из всех боевых приемов признававшими только прямой лобовой удар всей толпой, были более забавой, чем серьезными сражениями. Теперь же им противостояла настоящая армия – пусть каждый боец в ней уступал в выучке даже слабейшему из тех, кого муштровали Хирон и другие кентавросы, но их оружие и доспехи ни в чем не уступали, а кое-где и превосходили снаряжение гиперборейцев. И главное – их было много. Никто не мог бы с точностью сказать, какие силы Посейдонис может двинуть на Олимп, но все – и Хирон, и, конечно, Зевс, прекрасно понимали, что силы эти будут огромны. Ни пограничные крепости, ни новые и новые сотни бойцов, спешно собираемые по окрестным племенам, лояльным к Олимпу, не смогут не то что отразить нападение, но даже сколько-нибудь существенно задержать продвижение войск Атлантиды.

Задача крепостей и воинов была не в том, чтобы геройски пасть, задавленными толпами врагов. Гиперборейские маги, великие олимпийцы, сильны были отнюдь не своими мечами. И надежды Зевс возлагал прежде всего на магию. Не без оснований – если вдалеке от родных берегов маги воздушных стихий с трудом сдерживали неведомое, но весьма эффективное колдовство атлантов, то здесь, вблизи, их сила была непомерна. Архонты, конечно, понимали, что им предстоит столкнуться с серьезным сопротивлением, но истинные силы Олимпа им были неизвестны. Как, признаться, они были неизвестны и самим гиперборейцам – еще никто из них, никогда, даже в самых сложных ситуациях не выкладывался полностью, без остатка, до дна.

И все же крепости – маленькие, слабые, могучие не стенами, но духом своих защитников – были необходимы. Боевая магия хороша лишь против заметного врага, против большого войска, против сильного флота. Будучи рассеяна на меленькие,

малозначительные цели, она быстро исчерпается… Маги устанут охотиться за врагами-одиночками – и вот тогда придет черед простых воинов и честной отточенной бронзы.

Все это Геракл понимал – как понимал и то, что в предстоящей войне ему не найдется места. Он уже видел, что времени героев приходит конец, пусть даже пока это было открыто немногим. Непобедимый боец хорош тогда и только тогда, когда ему противостоит другой герой – или чудовище, что иногда не такая уж и большая разница. Если же на поле битвы выходят армии, то каковым отточенным ни было бы воинское умение, какой силой ни наливались бы мускулы – в толпе все это не имело значения. Даже слабейший в давке сражения может подобраться к атлету, дабы чиркнуть выщербленным лезвием ножа по сухожилию. Теперь приходит время стратегов, умеющих обучить войска, найти выгодное место для сражения, правильно построить своих людей. Приходит время тех, чье достоинство не в отменном владении оружием, а в умении биться плечом к плечу с товарищами, не разрывая строй.

До времени, когда уйдут в небытие герои, полубоги, мастера одиночных схваток, которым поют песни, с которых создают скульптуры и которым – что уж греха таить – преклоняются, еще пройдет немало веков. Но оно непременно наступит – и Геракл втайне радовался, что ему не суждено увидеть времена, когда править бал станет не мастерство, честь и безудержная отвага, а серая масса, сильная своей сплоченностью. Он был создан для своего времени. Для битвы с гидрой. Для охоты на чудовищного льва. Для одиночества.

Он приподнялся на подушках и тут же опустился на постель снова, со злостью ощущая, как бешено колотится сердце, как катится по вискам вдруг выступивший пот. Да… его время уходит. Кем он станет, если все же достаточно оправится до начала войны, настолько, что сможет взять в руки меч? Кем? Еще одним бойцом в ряду? Пусть даже самым сильным – но не более чем еще одним…

А вот кентавросу в новой жизни самое место. Хирон прекрасно понимает то, что другим осознавать предстоит еще долго. Тридцать его воинов уничтожили втрое превосходящие силы атлантов – даже несмотря на то что были захвачены врасплох. Победили просто потому, что умели прикрывать друг друга. Они погибли почти все – но враги не сумели одержать верх ни за счет количества, ни за счет лучшего вооружения. Пусть Хирон клянет себя за допущенные жертвы – он просто еще не понимает, что эта битва, как и те, что за ней последуют, положат начало новому воинскому искусству. Герои еще будут – ищущие

подвигов, стремящиеся к одиночным схваткам. И на них будут смотреть с восторгом, им будут кричать здравицы, их именами будут называть детей… а потом тихо ворчать, что, мол, не высовывался бы, глядишь, и пользы принес поболее… а так – пусть Аид будет к нему милостив.

Снова стиснув зубы, отчаянно превозмогая слабость, Геракл попытался сесть. Перед глазами поплыли черные круги…

Дверь распахнулась, словно от удара ногой, в комнату вихрем ворвался сияющий Гермес. Теперь его привычный хитон сменили легкие латы, явно носившие следы Гефестового молота, а значит, и наполненные магией старого мастера огня. Равным себе простых доспехов Гефест не делал – Геракл не удивился бы, сумей эти бронзовые пластины отразить даже его убийственные стрелы. На боку вечного юноши висел короткий меч. Пусть гипербореец и выглядел мальчишкой, но за прожитые века оружием он владеть научился. Гермесу нередко ударяла в голову идея податься к людям – и там, среди варваров, чтящих силу, тонкое лезвие не раз обагрялось кровью. Лишь немногие из чистокровных гиперборейцев относились к жизни простых смертных с уважением, не отнимая ее по пустякам. Афина, Прометей… пересчитать по пальцам. Гермес к этому числу не принадлежал. Геракла это не удивляло, но немало огорчало – ведь он и сам был смертным, пусть и сыном Зевса.

– Радости тебе, могучий! – рот Гермеса расплылся до ушей. – Кажется, я первым принес весть?

– Не знаю, о чем твоя весть, – пробормотал Геракл, – но догадываюсь. Посейдонис двинул корабли к нашим берегам?

Улыбка на юном лице угасла.

– Уже слышал… и кто посмел меня опередить?

– Никто, – улыбнулся герой, не делая попыток встать, дабы не срамиться в присутствии гостя. – Нетрудно сообразить.

– А говорят, у тебя провидческого дара нет, – хмыкнул вестник, парящий, по обыкновению, в нескольких ладонях над мраморным полом. – Но ты прав, славный Геракл, корабли Архонтов числом двенадцать сотен движутся через море. Им помогает ровный ветер, Борей говорит, что ветер этот есть порождение магии… правда, признает, скрипя зубами, что в магии этой не понимает ни единого образа.

– Прямо-таки двенадцать сотен? – Геракл чуть насмешливо улыбнулся.

– Ну, может, чуть больше или чуть меньше, – не стал спорить Гермес. – Я сам считал их… вместе с Аполлоном.

– И вам дали спокойно посчитать силы атлантов? – в голосе героя прозвучало явное недоверие.

Юноша зарделся – но не от смущения, а от сдерживаемой гордости.

– Как же… целых три виманы пытались сжечь нас своими огненными стрелами. И обычными, и теми… ну ты помнишь… ах да, ты же, друг, был без сознания. Есть у них такие странные дымящиеся стрелы, которые сами охотятся за дичью… вылетает такая и начинает гоняться за тобой по всему небу. И уж если догонит – все, вот он, Стикс, готовь обол. Один раз мы очень удачно увернулись, и эта дымная стрела попала в их же корабль. Поверишь ли, на воде остались лишь дымящиеся обломки и ни одного живого человека. А корабли большие, не меньше чем по сотне бойцов на каждом. Скажи, друг, как можно вести войну, посылая впереди себя такую смерть? Не лучше ли честный поединок, лицом к лицу?

Одним невероятно плавным движением Гермес выхватил из ножен меч, принял оборонительную стойку, а затем завертел перед собой клинок с такой скоростью, что лезвие слилось в один туманный диск. Герой улыбнулся – не знай он истинного мастерства вечного юноши в обращении с оружием, счел бы сие пустой похвальбой. Но он знал, что из этого туманного облака в любой момент может ударить жало меча, смертельное и неотвратимое.

– Не лучше ли так? – у Гермеса даже не сбилось дыхание. – По крайней мере это честно.

У Геракла были некоторые сомнения насчет честности в поединке лицом к лицу с тем, чье умение оттачивалось веками и чьи доспехи, как и оружие, ковал сам Гефест. Но в целом он был согласен с Гермесом – и в этом была еще одна причина той тоски, с которой он смотрел в будущее. Даже лук – оружие охотника – все чаще и чаще использовали в бою. Даже мастер меча может пасть от случайной стрелы… мало чести в такой победе, но это война, не поединок. Тут ищут не чести – победы, любой ценой. Дрогнет ли у него рука, если придется послать стрелу не в горло быстроногого оленя, не в разверзнутую пасть чудовища, а в грудь человека? Не дрогнет… но и победой он это не назовет. Да, он знавал иных вождей, часто гордо именующих себя царями, что считали лук оружием трусов. Они верили, что лишь тогда победа имеет особый вкус, когда твой клинок с трудом раздвигает ребра врага и пронзает его живое, бьющееся сердце. И потому они шли в бой с одним лишь мечом, даже не укрывая тело доспехами, не беря в руки щит. Гордые и смелые люди…

Только чаще побеждали другие. Те, кто не гнушался прибегнуть к услугам лучников, стрелы которых без труда входили в ничем не защищенные тела.

– Лучше, Гермес, лучше… Но атланты не ищут чести и славы.

– Мда… – стальной вихрь исчез, меч со стуком нырнул обратно в ножны. – Вот и я о чем… Им в пути еще несколько дней, Борей говорит, что чем ближе их корабли подойдут к нашим берегам, тем лучше. Сейчас все гиперборейцы собираются на Олимпе. Все… говорят, даже Аид явится, хотя он не покидал Тартара уже неизвестно сколько веков.

– А Прометей?

Гермес нахмурился, разом утратив всю свою жизнерадостность.

– Друг, ты пойми… Прометей осужден, и Зевс… вчера он что-то сказал насчет того, что готов простить Прометея, если кто-то из гиперборейцев ради опального титана пожертвует собой. Своей жизнью и своим бессмертием.

Геракл с шумом выдохнул, скривился от боли.

– Тьма Тартара… это все равно, что обречь Прометея на муки, вечные, как сами скалы. Кто из олимпийцев способен на это, кто?

– Не знаю, – честно развел руками Гермес. – Мне нравится Прометей, но не настолько же. Так могла бы поступить Афина, она слегка помешана на благородстве и справедливости, но как раз Афина была в числе обвинителей. Она считает, что передать смертным магию огня есть тягчайшее из преступлений, которые вообще могут быть совершены на Олимпе.

– Это потому, что ей самой магия дается с трудом. Я безгранично уважаю Афину, но эта ее вечная зависть к магам…

– Возможно. Она, конечно, просила за Прометея – потом, когда увидела, каким может быть гнев Зевса. Клянусь Тартаром, друг мой, многие просили за него. И Зевс, как я уже говорил, в какой-то момент даже готов был уступить.

– Я бы не назвал это уступкой, – в глубине души нарастала злоба. Геракл намеревался потребовать у отца ответа, хотя и понимал, что шансов переубедить Громовержца у него практически нет. Зевс немало внимания уделял сыну, но не раз давал понять, что дела Олимпа смертного не касаются, независимо от того, чья кровь течет в его жилах. – Даже если найдется тот, кто выполнит условие Зевса, сам Прометей не примет этой жертвы. Я его достаточно давно знаю. Он, как и Афина, имеет свои представления о чести, многим недоступные.

Если Гермес и услышал в этой фразе выпад в свой адрес, он никак этого не показал. Да Геракл и не собирался оскорбить вестника, скорее просто сетовал на то, что и без того было у всех на виду – олимпийцы замкнулись в своих собственных проблемах и заботах, мало интересуясь не только делами смертных, но и жизнью своих же кровных родичей. Вдруг мелькнула мысль, что,

несмотря на всю мощь гиперборейской магии, именно эта разобщенность может послужить поражению Олимпа. Если такое поражение вообще возможно.

– Мне жаль, что ты столь тяжело ранен, – Гермес покачал головой, и в глазах его Геракл и в самом деле увидел столь редкое для гиперборейцев истинное сочувствие. – Лекари говорят, что встать на ноги ты сможешь не раньше, чем через десять дней. И то… вряд ли. Боюсь, к этому времени все будет кончено, а ты так и не примешь участия во всем этом.

– Я и не хочу, – тихо сказал герой, вдруг осознав, что говорит истинную правду. – Это будет бойня…

Он оказался прав. Это и в самом деле была самая настоящая бойня.

За все время пути – это было невероятно, но не признать этого было нельзя – атланты потеряли всего четыре корабля, да и то лишь из-за того, что рулевые подвели свои огромные суда слишком близко друг к другу и не смогли избежать столкновения. И теперь более чем тысяча кораблей подошли к земле настолько близко, что с самых верхушек мачт уже виднелись облака, неоспоримо указывавшие на присутствие суши. Архонты понимали, что Олимп вот-вот нанесет удар, и пребывали в постоянном напряжении, ожидая хода Гипербореи. Зато среди воинов на палубах царило оживление. Посейдонис выставил все, что смог – более ста двадцати тысяч воинов, это была немыслимая, невероятная, невозможная армия, равной которой не знала Ойкумена. И очень, очень не скоро узнает. Мертвоглазых среди этого воинства было не так уж и много, тысяч пятнадцать или чуть больше – они не поддались всеобщему веселью, они просто были готовы к бою, исход которого их ни в малейшей степени не волновал. Получен приказ – а приказ для тех, чей разум был раздавлен магией Архонтов, являлся чем-то более важным, чем сама жизнь.

Но и остальные бойцы рвались вперед, в схватку. О Гиперборее ходили разные слухи – но все сходились на том, что Олимп накопил немыслимые богатства, и те, кто сейчас на палубе натягивал броню и последний раз проводил точильным камнем по режущей кромке меча или топора, предвкушали отменный грабеж. О том, что до Олимпийской цитадели от побережья еще далеко, о том, что этот путь придется проделать по враждебной, ощетинившейся оружием земле, никто не думал.

Что ж, можно сказать, что думать об этом и в самом деле не стоило. Большинству не суждено было ступить на землю – а тем, кому все же повезло добраться до песчаного берега, не стоило

слишком уж благодарить Мойр. Их нити жизни оказались очень короткими… но сейчас они еще не знали об этом. Они острили клинки, отпускали крепкие соленые шуточки, хвалились друг перед другом воспоминаниями о прежних победах и обещаниями побед будущих.

А тем временем к ровному, устойчивому ветру, что все так же уверенно гнал корабли ко все приближающейся земле, прибавился другой ветерок. Слабый, беспокойный – но усиливающийся с каждым мгновением. Взметающий крохотные смерчики, наполненные сорванной с волн пеной, весело разбивающиеся о борт то одного, то другого судна. Кто обратил на них внимание? Может, несколько пар глаз и скользнули по крошечным смерчам, и тут же уткнулись во что-то иное, более интересное. В мех с вином. В вырисовывающийся на горизонте берег. В тусклый блеск оружия.

Вот неожиданный порыв ветра заставил ранее туго раздутый парус заполоскаться, скрипнула невысокая мачта, кого-то окатило водой – послышались ругательства и ехидные смешки. А ветер крепчал… Смерчи становились все больше, их число увеличивалось – казалось, что корабли продираются сквозь призрачные колонны. А потом вдруг все эти небольшие еще вихри слились в три чудовищных бурлящих столба. Небо стремительно затягивали черные мокрые тучи, и хоботы чудовищных смерчей искали себе жертвы. Искали – и находили, снова и снова. Под ударами тугих, как мышцы, хоботов щепками разлетались крепкие борта кораблей, как тонкие веточки ломались мачты и весла, калеча и убивая столпившихся на палубе людей, с оглушительным даже на фоне воя разбушевавшейся стихии треском рвались паруса – и удары мокрой ткани сметали в холодную воду неосторожных.

Сейчас Архонты в полной мере смогли оценить ту мощь, против которой Посейдонис посмел двинуть свои войска. Блеснула молния, заставив один из кораблей вспыхнуть факелом – огонь моментально охватил все, даже просоленное, мокрое дерево. Не заставил себя ждать и удар грома – немало нашлось тех, для кого этот звук стал последним, что было услышано ими в жизни – кровь фонтаном ударила из разорванных ушей, заливая и без того мокрые, усыпанные телами палубы.

Магия атлантов лишь в небольшой степени могла смягчить буйство сошедшего с ума неба. И это был еще не конец – только начало. Гиперборейские маги, повелители воздуха и воды, огня и земли, вздымали чудовищные волны, каждая из которых могла без труда опрокинуть тяжело груженый корабль, вихри разгулялись вовсю, дробя не способное противостоять им дерево

и слабые, хрупкие людские тела. Молнии теперь били не переставая, а грохот громовых раскатов слился в непрерывный гул. Та, самая первая молния, вобравшая в себя немалую толику сил Зевса, что вместе с другими олимпийцами сейчас стоял на высоком скалистом берегу, шепча древние, как сам этот мир, слова, была самой сильной. Остальные уже не рвали людям барабанные перепонки, не превращали корабли в на глазах истаивающие угольями костры, но и тех голубых стрел, что обрушились с небес на беснующееся море более чем хватало. Во тьме то там, то здесь вспыхивали пожары – их уже никто не тушил.

Кто-то из кормчих, решив, что жизнь важнее и славы, и добычи, начал разворачивать суда, в надежде, что стихии сжалятся над ними, простят… Быть может, стихии так бы и поступили – большинство олимпийцев предпочитали скорее преподать атлантам хороший урок, которого тем хватило бы на много веков, чем отправить на морское дно всю огромную флотилию. Но за мечи схватились мертвоглазые – и, спустя какое-то время, сами стали у руля, даже не потрудившись сбросить за борт трупы тех, кто посмел воспрепятствовать исполнению полученного ими, верными рабами Архонтов, приказа. И корабли снова двинулись к берегу – навстречу своей гибели.

Две виманы, до этого отчаянно пытавшиеся увернуться от шарящих по воде хоботов чудовищных смерчей, развернулись и устремились к берегу. Двое Архонтов, управлявших летающими колесницами, решили, видимо, что смогут поразить гиперборейцев, творивших сейчас свою чудовищно убийственную волшбу… Первая машина выпустила сноп огненных стрел с предельно возможного расстояния. Залп можно было назвать удачным – в воздух взметнулся столб огня и дробленого камня, покатилась по земле Афина – острый осколок ударил в незащищенное панцирем бедро, легко ломая кость. Зашаталась грозная Персефона, которую кое-кто из смертных чтил наравне с Аидом, властелином Тартара. Были убиты на месте двое или трое гиперборейских магов-полукровок, достаточно сильных, чтобы стоять в одном ряду с истинными олимпийцами. Бешено вращающийся обломок гранита, как ножом, срезал в локте руку Астрею, одному из старейших титанов. Зефир и Борей, оставив магию ветров, бросились к истекающему кровью отцу – и в черных тучах на мгновение образовались просветы, а ненасытные смерчи чуть ослабели.

Второй вимане не повезло. Взбешенный Зевс метнул молнию, вложив в нее всю свою ярость. Слепящий голубой разряд ударил в кажущуюся крошечной машину, в мгновение ока превратив ее и

тех, кто находился внутри, в падающие вниз, в волны, оплавленные, обгоревшие обломки. Второй вимане – той, что сумела нанести олимпийцам первые, пусть и незначительные, потери удалось уйти от возмездия. Опаленная и искореженная, она прорвалась сквозь смерчи и умчалась на запад – чтобы донести Лорду-Протектору Посейдониса весть о разгроме.

А разгром продолжался…

Один из кораблей вздрогнул от чудовищного удара в днище, с треском разлетелись доски, ударил фонтан воды… Несколько мгновений – и корабль вместе со всеми, кто в нем находился, исчез в стремительном водовороте, лишь несколько обломков кувыркались на волнах. На мгновение среди пенных гребней показалось юное лицо, обрамленное слипшимися от воды золотистыми прядями волос. Бледная зеленоватая кожа уже в области шеи сменялась серебристой мелкой чешуей, огромные перепончатые руки ухватили цеплявшегося за обломок мачты солдата и мгновенно утянули его в глубину. Вскоре золотоволосое чудовище появилось снова – ударил по воде, поднимая фонтан брызг, могучий хвост, и Тритон, дитя морских владык, устремился к следующему кораблю, обреченному пополнить его хранящуюся на морском дне коллекцию.

И все же флот Посейдониса был слишком велик. Не менее половины кораблей уже ушли на дно, почти все уцелевшие потеряли мачты и паруса, но остальные, теперь уже вспенивая волны одними только веслами, рвались к берегу. Теперь уже мертвоглазым не нужно было убеждать сомневающихся в необходимости в точности исполнить приказы Архонтов… Весла гнулись в руках гребцов, осознавших, что единственный их шанс на спасение – земля. Земля, где можно встать на ноги, взяться за оружие и, может быть, опрокинуть проклятых гиперборейских магов. И корабли двигались вперед – то один, то другой шел ко дну, или разрушенный хоботом смерча, или пробитый ударом хвоста резвящегося в глубине Тритона, но остальные с каждым ударом весел пусть и ненамного, но приближались к вожделенному берегу.

Там их ждали. Семь тысяч бойцов – жалкая кучка по сравнению с тем, что даже после столь чудовищных потерь могла высадить на берег армада Посейдониса. И все, кого могли сюда привести кентавросы, при этом не оставляя Олимп на разграбление всякому, желающему воспользоваться отсутствием хозяев. Большая часть воинов сидела на камнях, отдыхая, – их бой еще впереди. То там, то здесь среди воинов возвышались огромные несуразные фигуры, кое-как замотанные в порядком изгаженные и отвратительно смердящие звериные шкуры.

Длинные, до колен свисавшие руки могли без труда переломить или вырвать с корнем средних размеров дерево, а единственный глаз посреди лба был наполнен тупой, нерассуждающей злобой. Воины старались держаться от циклопов подальше, несмотря на то что присутствие гиперборейских магов в известной степени сдерживало чудовищ… никому не хотелось рисковать – циклопы отличались вздорным нравом, вечным голодом и полной неразборчивостью в пище. Превозмоги голод над страхом перед олимпийцами – и циклоп вполне мог подзакусить ближайшим к нему человеком.

Вот один из великанов встал, с кряхтением поднял большой обломок скалы и, надсаживаясь, сопровождая действие звериным рыком, швырнул его в сторону моря. Особой ловкостью эти тупые, неуклюжие исполины никогда не отличались – камень, пролетев почти стадию, плюхнулся в воду, не дотянув до ближайшего корабля несколько десятков локтей. Неудача ничуть не расстроила гиганта – он наклонился, поднял другой камень, и повторил попытку. Еще раз, еще… Пятый или шестой валун все же достиг цели, проломив борт корабля ниже ватерлинии. Разом хлебнув огромную порцию воды, корабль завалился набок, с палубы в море посыпались солдаты… большинству уже не суждено было ощутить под ногами твердую землю. Циклоп радостно загоготал, воздев руки к небу, запрыгал – солдаты прыснули во все стороны, чтобы не попасть под тяжелые босые пятки веселящегося гиганта.

Зевс прекрасно понимал, что сумей атланты высадить свои войска – и ни магам, ни их немногочисленным солдатам не удастся остановить вторжение. Изрядно потрепать – возможно. Заставить заплатить за победу дорогой ценой – наверняка. Но не остановить… а вопрос о том, как дорого встанет атлантам победа, гиперборейцев не волновал. Как, собственно, и самих атлантов.

Вздрогнул, словно пронизанный судорогой, один из прибрежных холмов. С шумом распрямились огромные кожистые крылья, ударил по камням длинный, усеянный шипами хвост. От взмаха крыльев поднялись клубы пыли – здесь, на берегу, дождя не было, магам совершенно не хотелось промокнуть. Огромное чудовище взмыло в воздух, клубок усеянных присосками щупалец, торчавший прямо из уродливой морды, развернулся – приготовившись хватать добычу и запихивать ее в необъятную пасть. Огнедышащего Тифона панически боялись все – даже олимпийцы. А само чудовище боялось… нет, не боялось, а несколько опасалось только Зевса. Его щупальца с круглыми присосками, издалека казавшимися многочисленными глазами, породили легенды о том, что Тифон стоглав… На самом деле

голова, как и пасть, у монстра была одна – зато прожорливости хватило бы на десятерых. Даже Зевс понимал, что рано или поздно с Тифоном ему придется расправиться, относительно разумный, невероятно жестокий монстр был опасен… но пока тварь подчинялась его приказам, Зевс берег ее как чуть ли не самое сильное свое оружие.

Тифон поднимался все выше, высматривая добычу – добычи было много, невероятно много… сладкое мясо, пускай и сокрытое внутри деревянных корпусов кораблей. Он никак не мог выбрать.

С кораблей заметили чудовище, раздались наполненные ужасом вопли, более смелые тут же схватились за луки, к летящему монстру устремились стрелы. Немногие достигли цели – порывы ветра сбивали прицел даже лучшим лучникам, но несколько бронзовых наконечников все же пронзили кожу крылатого создания. Тифон был бессмертным, и при его размерах уколы стрел были для него не опасней, чем для человека – укусы комара. Но это не означало, что он был равнодушен к боли, даже незначительной. Уже очень давно никто не осмеливался напасть на Тифона, люди предпочитали просто уступить чудовищу часть своего скота или даже часть своих же соплеменников, но тем сохранить жизни большинству. Над морем пронесся гневный рев, заглушающий даже грохот бури и раскаты грома, тварь спикировала к ближайшему кораблю, из ее глотки вырвался поток пламени, от которого плавился даже камень. Корабль мгновенно превратился в огромное кострище, вокруг которого поднимались клубы пара – это кипело море там, где его коснулось обжигающее дыхание Тифона. Щупальца выдернули из воды двух или трех обгоревших людей, одним движением засунули их в пасть. Тифон сглотнул, а затем развернулся и атаковал снова…

– Корабли все еще идут к берегу, – Зевс чувствовал, как слабость наполняет тело, как пульсируют в висках раскаты боли. И он знал, что остальные гиперборейцы чувствуют себя не лучше. Магия, обрушившаяся на флот атлантов, была разрушительной, но и самим магам она далась нелегко.

– Мои братья устали… – Борей тяжело дышал, по лицу, несмотря на более чем прохладную погоду, катились струйки пота. – Мы не сможем долго удерживать вихри.

– Артемида, – он повернулся к дочери. Охотница стояла рядом с отцом, опираясь на большой, в ее рост, лук. Магией она владела слабо – больше той, что позволяла управлять животными и растениями. Девушка вскинула изящную головку, увенчанную короной золотых волос. Поговаривали, что даже Афродита меркнет рядом с юной дочерью Громовержца, хотя при самой Афродите такого никто вслух произнести не рисковал – стерва,

мнящая себя первой красавицей Олимпа, вполне может отправить конкурентку в Тартар, даже не побоявшись гнева Зевса, тем более что за века своей жизни она обзавелась не одной сотней способов устранять со своего пути слишком красивых женщин.

– Попробуй увидеть…

Она кивнула, закрыла глаза, прошептала нужные слова. Это заклинание давалось ей лучше, чем кому-либо другому. К тому же она не устала – девушка не принимала участия в битве, лишь оказала помощь раненой Афине. Прошло совсем немного времени, и Артемида заговорила, вполголоса, старательно выговаривая слова…

– Я вижу глазами Тифона, отец. Флот еще велик. Не могу сказать, сколько кораблей, Тифон атакует одно судно за другим…

– Он еще может биться?

– Не знаю… – бормотала Артемида, не меняя интонаций, – он ранен, ему больно. Он уже сыт и хочет вернуться назад, на берег. Его крылья устали…

– Корабли, дочь, – мягко напомнил Зевс.

– Кораблей много. Очень много. И они приближаются.

Зевс провел рукой по лицу Артемиды, снимая с девушки наваждение. Она вздрогнула, затем пошатнулась – вхождение в разум животного, пусть даже полуразумного, как Тифон, было очень трудным делом. Да еще со столь большого расстояния. Чьи то руки тут же подхватили охотницу, не дали ей упасть, усадили на заботливо постеленный на камни плащ.

– Борей… – Громовержец повернулся к магу ветров. – Попробуйте отогнать корабли…

Тот склонил голову.

Встречный ветер усилился настолько, что, несмотря на все усилия гребцов, корабли не продвигались вперед ни на локоть – но стоило хотя бы нескольким воинам прекратить ворочать тяжелыми веслами, как суда тут же относило назад, в открытое море – и не было более никакой возможности вернуться хотя бы на прежнее место. Весла гнулись, протяжно и жалобно скрипели – а то и вовсе с треском ломались, калеча неосторожных и убивая вовсе уж несчастливых.

Удары молний, воронки смерчей… вопли исцарапанного, а оттого и вовсе обезумевшего Тифона… смерть, приходящая из-под воды… Все больше и больше кораблей разворачивались, стремясь уйти из этого проклятого места. Мертвоглазые слуги Архонтов пытались стоять на своем – и вновь кое-где на палубах пролилась кровь.

Армада потеряла более половины кораблей, да и большинство уцелевших были изрядно потрепаны рукотворной

стихией. Прочные корпуса местами дали течь, мачты были изломаны, от парусов остались одни лишь лохмотья. И все-таки там, в открытом море, подальше от страшных гиперборейских магов у них был шанс. Никто из воинов не знал, что силы Гипербореи уже на исходе, что даже могучий Зевс не выдержит более получаса, что уже лежит без сознания Зефир, исчерпавший все свои силы, а Борей припал на одно колено и из последних сил гонит ветры, одновременно пытаясь удерживать смерчи… И опытный наблюдатель заметил бы, что убийственные вихри уже не столь могучи, уже лишь проламывают борта кораблей, а не разносят их, как ранее, в щепки.

Но никто уже не думал об этом. Каждый стремился спастись – одни рвались в открытое море, изрубив упрямых и непримиримых мертвоглазых, другие столь же отчаянно гребли к берегу. Нескольким судам удалось прорваться к кажущейся спасительной суше – в основном тем, что шли у самого края огромного флота. Здесь ветер был слабее, сюда не доходили смерчи, бесчинствовавшие ближе к центру армады, и не обрушивалось на палубы яростное дыхание Тифона. А в двух стадиях от берега ветер и вовсе исчез…

Вот киль одного из кораблей врезался в гальку, тут же в воду посыпались воины. Берег ощетинился отточенной бронзой, засвистели стрелы. Хирон всадил длинную стрелу в горло бегущего впереди бойца, тут же выстрелил еще раз – стрела ударила в чешуйчатый орихалковый доспех и с протяжным звоном отлетела в сторону. А мгновением позже загрохотали мечи и топоры…

4

– Мы потеряли почти четыре тысячи бойцов, – Зевс в своей обычной манере расхаживал по залу, с такой силой впечатывая шаги в мрамор, что, казалось, еще чуть-чуть, и во все стороны полетит каменное крошево.

За узкими стрельчатыми окнами шел дождь. Холодные тугие струи хлестали по мраморным и бронзовым статуям, наполняя воздух липкой, промозглой влажностью, недавно еще аккуратные, ухоженные цветники превратились в раскисшую смесь мятой зелени и жидкой грязи, и даже на сырых стенах цитадели вот-вот могли появиться пятна плесени. В иное время маги воздуха – обычно этим занимались Зефир или Нот – следили за тем, чтобы над столицей Гипербореи всегда было чистое небо. Кроме раннего утра, предрассветного… в это время всегда шел короткий ласковый дождик.

Но теперь Орфей, которого лекарям с трудом удалось вывести из беспамятства, не мог пошевелить и пальцем, да и остальные братья-ветры чувствовали себя лишь немногим лучше. Гиперборейцы давно уже забыли, сколько сил высасывает магия, а потому и не сумели удержаться на той грани, за которой следует почти неизбежная потеря сознания. Лишь Борей – самый сильный и, возможно, самый осторожный из детей титана Астрея, все еще был на ногах. Но лицо его осунулось, седобородый маг тяжело опирался на посох, казался усталым и меланхоличным, и все время норовил сесть.

И холодный осенний ливень, словно веками ожидавший удобного момента, спешил выплеснуть на цитадель всю накопленную ярость, обрушивая на мрамор величественных сооружений одну ледяную волну за другой. Скоро маги придут в себя, скоро к ним вернется толика сил – и тогда он, ливень, будет изгнан из этих мест. Но это будет потом…

Афина, никогда не отличавшаяся особой выдержкой, выглядела взбешенной. Сломанную кость ей зарастили, но крови она потеряла немало, а потому тоже вынуждена была искать опору для раненной, все еще ноющей ноги. Конечно, опираться на палку воительнице не привиделось бы и в страшном сне – а потому, в очередной раз проигнорировав неоднократно высказанное нежелание Зевса видеть в этом зале оружие, она явилась на совет с недлинным копьем, которое сейчас использовала как посох. Несмотря на боль, она не могла усидеть на одном месте и, прихрамывая, слонялась по залу, то слушая Громовержца, то встревая в разговоры других олимпийцев – в те

редкие мгновения, когда Зевс выдыхался и подходил к столу, дабы глотнуть немного подогретого вина.

Сейчас здесь, в самом сердце Олимпийской твердыни, собрались те, кому предстояло принять решение – что делать дальше. Гефест по своей обычной манере ушел в лабораторию с явным намерением не показываться оттуда без острой необходимости. Право решать государственные проблемы он оставлял тем, кто получал от этого хотя бы тень удовольствия. Отсутствовали и многие другие. Аполлон, осунувшийся от усталости и растерявший немалую толику своей ослепительной красоты, уже несколько дней не вылезал из виманы, наблюдая за возвращением избитой, изгнанной, но все еще сохранявшей огромную мощь армады Посейдониса. Исчез куда-то Гермес… впрочем, его присутствие ни в малейшей степени не повлияло бы на принимаемые здесь решения. Персефона, ранение которой было не слишком опасным, но очень неприятным для женщины – осколок камня рассек щеку, оставив уродливый рваный разрез, – удалилась к лекарям, явно не намереваясь показываться на глаза другим олимпийцам прежде, чем от раны не останется и следа.

– Почти четыре тысячи… – повторил Зевс, и в голосе его звучала скорбь. Слишком явственная, чтобы быть неподдельной.

– Если бы до берега добралось не жалких семь десятков кораблей, а хотя бы сотня, – мрачно заметил Арес, лишенный меча, а оттого пребывавший не в настроении, – они бы смели нас.

– Не ты ли, знаток войны, говорил, что любой воин Гипербореи стоит трех варваров и четырех изнеженных теплым солнцем атлантов? – недобро прищурился Громовержец.

На грубом, словно высеченном из камня лице Ареса не дрогнул ни один мускул.

– Говорил, скажу и впредь, – пророкотал он. – Но эти твари… не уверен, что могу назвать их людьми, не боятся ни боли, ни смерти. Мои воины умеют драться с живыми.

Геракл, все еще бледный и слабый, был весьма удивлен приглашением на этот совет. Обычно ни полукровки, ни даже младшие из гиперборейцев не допускались в тронный зал – святая святых Олимпийской цитадели. Хотя причины этого неожиданного приглашения были очевидны. Магия Архонтов уже ни для кого не являлась тайной, и накануне, в ходе беседы, весьма напоминавшей допрос, Геракл вынужден был рассказать отцу правду. Он умолчал только об одном – о том, что и Хирон обладает этим же бесценным даром, защитой от поражающего разум колдовства. Зевс мог пощадить собственного сына, но вот отпрыска Кроноса он бы не пощадил.

– Твои воины показали, что Гиперборея почти беззащитна, –

Громовержец некоторое время помолчал, затем мрачно продолжил: – И чтобы устранить угрозу вторжения раз и навсегда, мы… ударим первыми.

В зале повисла тяжелая, гнетущая тишина. До сих пор Олимп ни разу не начинал войн… если, конечно, не считать внутренние конфликты, которые рассматривались как внутрисемейные дела. Никому не приходило в голову бросить вызов магам, а самих их настолько мало интересовали дела смертных, что в войнах попросту не было необходимости.

Но все когда-нибудь происходит впервые.

– Атлантида все еще сильна, – с сомнением в голосе протянула Гера, одна из немногих, кто вообще осмеливался прямо перечить Зевсу. Многие гиперборейцы проявляли недовольство тем или иным решением Громовержца, но высказать свои сомнения вслух означало по меньшей мере впасть в немилость. А Зевс умел выражать свое недовольство так, что потом долго не находилось желающих снискать на свою голову его гнев.

– Атлантида сильна, – кивнул Зевс, словно ожидавший этой реплики. – Ее флот все еще способен на многое… но флот этот в море, и пройдет немало дней, прежде чем воины Посейдониса смогут ступить на землю Атлантиды. Корабли потрепаны, им нужно время на хоть какой-нибудь ремонт, наверняка нужна и провизия, а значит, они будут где-то приставать к берегу. Посейдонис остался беззащитным, хотя и чувствует себя в безопасности.

– И они не ошибаются, – прогудел Арес. – Чтобы штурмовать Посейдонис, нужны войска… хотя бы немного. Но все наши воины здесь. Допустим, Аполлон может перебросить сколько-то бойцов к стенам Посейдониса… десяток, два?

Зевс смотрел на Ареса, но, вопреки обыкновению, его лицо не искажал гнев. Напротив, сейчас в глазах Громовержца плескалась мудрость и снисходительность… так все знающий отец смотрит на дитя, терзающееся вопросами, давно отцом решенными.

– Да. Ты прав. Ты даже более прав, чем думаешь… Вчера Аполлон вновь столкнулся с виманами Архонтов, их огненные стрелы зацепили нашего Златокудрого. Вимана почти цела, но сам Аполлон еще не скоро сможет хотя бы самостоятельно ходить. Так что и вимана не поможет доставить войска в Атлантиду. И я рад, что ты сказал все это… всю эту чушь. Потому что если даже ты, посвященный во многие тайны Олимпа, веришь в то, что говоришь, то и Архонты не пойдут дальше.

– Клянусь Тартаром! – на скулах Ареса заиграли желваки. – Я не понимаю, о чем ты говоришь…

– Еще бы… – Зевс хотел было добавить, что самое большее, что удалось в своей жизни понять Аресу, это за какой конец надо держать меч. Но удержался, иначе совет неминуемо вылился бы в склоку… Арес не боялся ничего и никого, и в силу своей воинской сущности, и в силу не слишком острого ума.

Он медленно оглядел собравшихся, словно раздумывая, все ли здесь присутствующие имеют право услышать то, что он намеревался им сказать.

– В Ойкумене есть много путей… – Зевс погладил бороду, нахмурился. – Да, много. Есть путь, что позволит нашим солдатам достигнуть Посейдониса за считанные часы. Я хотел бы, чтобы это осталось тайной. Все знают, что, покидая этот мир, и люди, и бессмертные уходят навсегда во тьму Тартара, отдавая Харону последнюю монету за перевоз. Но люди умирают по всей Ойкумене… и нельзя сказать, что путь к ладье Харона для тех, кто живет возле Олимпа, короче, чем для всех других. Путь всегда одинаков.

Вниманием собравшихся в этом зале Зевс завладел целиком и полностью. Все взгляды были устремлены на него, затихли даже неизбежные при таком количестве гостей перешептывания. Каждый пытался сообразить, что прозвучит дальше – и еще у каждого было странное чувство, что тайна, которую намеревался огласить Громовержец, несет в себе нечто ужасное.

А Зевс, словно желая поддержать эти мрачные чувства, даже не говорил – вещал, тяжело роняя каждое слово.

– Тартар – вот путь, через который можно добраться до любого места Ойкумены. Но законы Тартара суровы, и даже Аид, властитель подземной тьмы, не в силах преступить им же установленные законы. Те, кто попадают в мир мертвых, не могут вернуться в мир живых.

– Это известно всем, – фыркнула Афина, уже догадавшись, о чем речь пойдет дальше. – Как известно и то, что из любого правила бывают исключения.

– Это так, – Громовержец не стал спорить, тем более что Афина была совершенно права. – Это так, когда речь идет об одном… герое. Но сейчас через чертоги Тартара предстоит провести армию… Аид готов дать каждому из тех, кто перейдет через воды Стикса, десять дней. Десять дней славы. И еще кое-что… Силу и мужество. Нечувствительность к боли.

– А потом?

– Потом Харон вновь примет их в свою ладью. И более не возьмет монеты… ему уже заплатят за перевоз.

– Значит… – медленно протянула Афина, – мы отправим людей на верную гибель?

– Смерть со славой, смерть ради жизни Гипербореи! – напыщенно произнес Зевс, грохнув кулаком по подлокотнику трона. – Разве истинный воин не должен быть готов к этому?

– Воин готов к битве, если есть шансы на победу! – отрезала Афина. – Я не…

– Те, кто пойдут, сделают это добровольно, – вдруг пробасил Арес. – И будут знать, что их ожидает. Но даст ли Тартар защиту от этой омерзительной магии Архонтов?

Зевс покачал головой.

– Нет.

– Тогда к чему все это? – передернул плечами Арес. – Пополнить армию Посейдониса еще одним отрядом? На короткий срок, правда.

– Магия Архонтов не всесильна, – Зевс сделал многозначительную паузу. – Есть те, на кого эта магия не оказывает никакого воздействия. Например, мой сын…

Все взгляды словно по команде обратились на Геракла, и тот вдруг почувствовал, как по спине пробежал холодок. Да, он не боялся ни чудовищ, ни людей. Но войти живым в Тартар, войти, зная, что с этого момента тебе остается жить всего лишь десять дней – и ни сила, ни мужество, ни удача не позволят хотя бы на мгновение отсрочить печальный конец… это было по-настоящему страшно. И все же он понимал, что без помощи хотя бы одного бойца, не боящегося магии Архонтов, вся идея штурма Посейдониса обречена на провал.

– Я готов вести войска… – он с трудом встал, но голос звучал твердо.

– Я тоже предпочел бы, чтобы войска повел ты, сын мой, – голос Зевса звучал мягко, и все же в нем, помимо доброты и понимания, звучала тщательно прикрытая, но все же заметная фальшь. – Я хотел бы этого, но сейчас ты, Геракл, не годишься для боя. И все же в Олимпийской цитадели есть еще один воин, который может взять на себя эту трудную миссию.

Вот теперь Геракл испытал даже не страх – ужас. Он понял, о ком говорит Зевс, и проклял тот час, когда рассказал Хирону о своем разговоре с тенью Кроноса. Но как мог Зевс узнать? Или здесь, в цитадели, за каждым гобеленом стоят шпионы Громовержца?

Дверь распахнулась, и в зал твердым шагом вошел Хирон. В доспехах, с оружием – небывалый случай. Печатая шаг, он подошел к трону и склонил голову перед Зевсом. Громовержец медленно поднялся и – по залу пронесся удивленный вздох – тоже склонил голову.

– Кентаврос Хирон. Мы все в долгу перед тобой за то, что ты

готов пожертвовать столь многим ради Гипербореи…

Да, Зевс был мастером красивых слов – но все, и Геракл в том числе, уловили в голосе Верховного Мага и иные нотки. И каждый понимал, что сейчас этот могучего телосложения человек с седой бородой и мудрыми глазами ведет свою игру, устраняя еще одного потенциального врага – сына Кроноса, который, может, и смирился с гибелью отца, но ничего не простил и ничего не забыл. Конечно, в борьбе с Зевсом у Хирона не было никаких шансов, но все же воин и герой, пользовавшийся уважением и даже любовью большинства олимпийцев, мешал Верховному Магу. Мешал одним своим существованием.

Это понимал и Хирон – но он также осознавал, что кто-то должен принять участие в этой авантюре. Он или Геракл, искать еще кого-то не было ни времени, ни возможности. Кронос, видевший будущее из тьмы Тартара, наверняка знал, во что выльются сказанные им Гераклу слова. Знал… значит, это было необходимо. Пусть Кронос и был низвергнут в Тартар, пусть он и не испытывал ни капли теплых чувств к Зевсу, но судьба Гипербореи была ему небезразлична.

– Я готов, – коротко отчеканил он.

В это самое время за многие тысячи стадий от цитадели, среди других мраморных стен протекала другая беседа. Неспешная и не наполненная переживаниями. Архонты вообще любили обсуждать насущные проблемы без торопливости, взвешивая варианты и выбирая из них лучший. И если решение было принято, то Архонты шли к нему без сомнений и колебаний… не считая оставляемых за собой жертв и разрушений.

Если же цель оказывалась недостижимой – что ж, всегда можно вернуться на прежние позиции и попытаться отыскать новый, более перспективный путь.

Эта комната не походила на тронный зал Олимпийской цитадели ни размерами, ни убранством. Скорее, это место можно было назвать кабинетом. Мягкие удобные кресла, камин, в котором пылали дрова, распространяя приятный аромат, ковры с высоким густым ворсом, небольшие столики, уставленные напитками… Архонты любили комфорт.

Сейчас одно из кресел пустовало. Тело Архонта Биленжеса, или, вернее, то, что от него осталось, покоилось теперь на дне океана… Потеря одного из соратников огорчила Архонтов – все они были законченными индивидуалистами, не испытывали друг к другу ни любви, ни дружеских чувств, но они были соратниками, и потеря одного из десяти несколько снижала шансы на общий успех дела. Исполнив короткий ритуал в память

об ушедшем, они приступили к пересмотру своих планов, делая поправку на то, что теперь их осталось только девять.

Они были похожи друг на друга – настолько, насколько люди, принадлежащие к одному роду, кажутся похожими путнику, пришедшему из неведомого далека. Высокие, серебряноволосые, в золотистой чешуе природных доспехов. Ни одна человеческая женщина не назвала бы атлантов красивыми, несмотря на то что черты их лиц были правильными. Было в этих странных созданиях что-то, сразу дающее понять – это не люди. Что-то змеиное… не злое, но преисполненное того равнодушия, которое зачастую страшнее чистого, неприкрытого зла.

Один из атлантов носил на груди массивную золотую цепь с кулоном, в центр которого был вплавлен камень небесно-синего цвета. Камень, светившийся собственным мягким светом, притягивал взгляд, завораживал и даже немного пугал. Это был знак Лорда-Протектора, одного из высших чинов на далекой, а теперь и вовсе не существующей Атлантиде, погибшей родине этих созданий. Но синий камень был не только символом – он был наполнен чистой силой магии, многократно усиливая возможности своего хозяина. Будь атланты людьми – меж ними непременно началась бы борьба за власть, за право обладать этим медальоном, за право быть первым. Но у атлантов были иные правила, иное отношение к власти. Каждый из них имел право на собственное суждение, право высказывать и отстаивать его, но если следовал приказ – он подлежал безусловному исполнению. Лорду-Протектору подчинялись беспрекословно.

– Мы потерпели поражение, – голос Архонта Галаса был ровен. Можно было подумать, что он не испытывает никаких отрицательных эмоций, ни гнева, ни даже раздражения. Впрочем, примерно так оно и было. – Сила Гипербореи была недостаточно хорошо оценена. Их магия оказалась много сильнее, чем мы предполагали.

– На данный момент уцелело около двадцати трех процентов армии. Корабли прибудут в Посейдонис через четыре дня.

– Для повторной атаки на Олимп этих сил недостаточно, – Лорд-Протектор Биззар отпил глоток терпкой зеленоватой жидкости из своего бокала, ощущая, как приятное тепло начинает распространяться по телу. Алкоголь, содержавшийся в земных винах, нравился атлантам, но даже лучшие вина солнечного юга не шли ни в какое сравнение с напитком, который был произведен еще в благословенной Атлантиде. Его осталось совсем немного, и каждая капля была для Лорда-Протектора истинным наслаждением.

– Воины у гиперборейцев неплохи, – не согласился

Властитель Берг, – но когда дело доходит до рукопашной схватки, их превосходство не столь уж и велико, и в немалой степени компенсируется лучшим оружием и доспехами наших людей. По предварительным оценкам, в бою на берегу они потеряли от трех с половиной до четырех тысяч бойцов. Наши потери лишь немногим больше.

– Но к берегу удалось подойти лишь немногим кораблям. Мы более не можем рисковать, принимая непосредственное участие в бою, а отсюда, из Посейдониса, наших сил не хватит ни на нейтрализацию магии гиперборейцев, ни даже на сколько-нибудь существенное ее ослабление.

– Вы предлагает прекратить экспансию, Лорд-Протектор?

– Нет, – качнул головой Биззар, – экспансия должна продолжаться. И я должен заметить, что потери не имеют особого значения лишь тогда, когда они способствуют достижению цели.

– Нам известна природа магии гиперборейцев, но способов эффективно ей противодействовать пока не найдено.

– Это не совсем так… – Властитель Пеллистер был занят какими-то расчетами на своем портативном компьютере, потому подал реплику даже не поднимая головы.

Все замолчали, ожидая, пока он продолжит свою мысль. Пеллистер был единственным ученым среди Архонтов, и только он в полной мере разбирался в их технике. Фактически, в иерархии Посейдониса он занимал второе место после Лорда-Протектора, его слова имели немалый вес.

Минуты тянулись томительно долго, но никто не высказывал нетерпения. Раз Пеллистер молчит, значит, он еще не готов объявить свое мнение. Прошло не менее четверти часа, и Лорд-Протектор намеревался уже спросить, что именно имел в виду ученый, когда тот наконец оторвался от экрана компьютера и обвел взглядом собравшихся.

– Мои расчеты завершены. Удалось проанализировать структуру местных магических энергопотоков. По-прежнему остается много непонятного, однако могу сказать, что причина наших неудач в попытках открытия большого портала связана именно с ними. Говоря упрощенно, происходит наложение магических энергопотоков на поле, вырабатываемое генератором портала, при этом происходит деформация структуры и поля, и…

– Безусловно, это важная информация, – голос Лорда-Протектора не выражал неудовольствия, но сейчас Архонты собрались здесь для обсуждения иной проблемы. – И все же мне хотелось бы вернуться к…

– Я еще не закончил, – прервал его Пеллистер. – Таким образом, магия этого мира не дадут открыться большому порталу.

В то же время, каждый запуск генератора вызывает искажения в структуре энергопотоков планеты. Я произвел расчеты, которые убедительно доказывают, что если вывести генератор большого портала на определенную, практически запредельную мощность, а затем выпустить всю накопленную энергию в предельно короткий отрезок времени… я не имею в виду взрыв, генератор, безусловно, не пострадает, зато в этом случае возможен коллапс всех магических потоков планеты. Лишившись источника магии, гиперборейцы не смогут эффективно противодействовать нашим войскам.

Некоторое время Архонты обдумывали и взвешивали услышанное. Первым вопрос задал Властитель Берг, которому, в случае успеха, предстояло вести войска на Олимп.

– А наша техника? Виманы и оружие созданы исключительно технологическими методами, но защитное поле опирается на магию.

– Вероятно, на время степень надежности защитного поля несколько снизится, – кивнул Пеллистер, ожидавший подобного вопроса. – По моим расчетам, напряженность магического поля планеты должно упасть до четверти процента от нынешнего. Этого достаточно для функционирования защитного купола. Кстати, контроль над подчиненными аборигенами тоже сохранится, изменения в их психике необратимы.

Галас скривился – мысленно, сомнение на его лице не отразилось. Они уже столкнулись с тем, что подчинение не оказывает на чистокровных гиперборейцев того же действия, что и на местных дикарей. Несколько дней – и разум приходит в норму. Причин этого явления установить так и не удалось… хотя одним из вероятных объяснений было то, что олимпийцы в этом мире такие же гости, как и атланты. Просто они пришли сюда раньше.

– Как долго продлится снижение мощности магических потоков?

– Речь идет не о снижении, скорее, о тотальном разрушении их структуры. Временном, разумеется. Сделать достоверный прогноз сложно. Я бы сказал, что воспользоваться энергией в прежнем объеме будет невозможно минимум четыре месяца.

– А максимум? – настаивал Берг.

– Несколько лет, может быть, до десяти. Одна из вероятностных линий прогноза – коллапс станет почти необратимым. В этом случае пройдут тысячелетия, прежде чем мощность потоков поднимется хотя бы до сотой доли нынешнего уровня, но, должен отметить, для реализации этого прогноза необходимо стечение обстоятельств, вероятность которых

исчезающее мала. Прошу прощения Властителей, более точный прогноз на данный момент невозможен.

– Чем коллапс может угрожать нам?

– Под защитным куполом, насколько показывают расчеты, – практически ничем. Но эксперименты такого рода никогда не производились, возможно, какие-то факторы не учтены. Поэтому я бы советовал использовать стасис-коконы. Они гарантируют необходимую степень защиты от любых внешних воздействий.

Генераторы стасис-поля были одним из наиболее важных открытий атлантов. Внутри стасис-кокона время останавливалось, тем самым защищая заключенного в кокон человека от любых опасностей. Будучи раз активированным, стасис-кокон мог существовать бесконечно долго – и отключить его можно было только своего рода ключом – сложнейшей комбинацией силовых полей. Отключающий генератор, разумеется, должен был находиться вне кокона… в этом был самый существенный недостаток стасис-обороны. Несмотря на многократное дублирование систем деактивации кокона, оставалась незначительная вероятность их отказа – и тот, кто укрылся в коконе, навеки мог стать его пленником.

– Значит, в нашем распоряжении будет не менее четырех месяцев, в течение которого гиперборейцы будут бессильны что-либо противопоставить нам, – задумчиво протянул Лорд-Протектор. – Это хорошее решение. Без магии Олимп будет практически беззащитен.

– Думаю, мы вновь, как это уже один раз случилось, недооцениваем противника! – заговорил Властитель Галас, привстав в кресле и даже чуть повысив тон, чем заслужил несколько удивленные взгляды соратников. – Гиперборея – сильный и опасный враг!

Властитель Галас вообще временами был излишне, почти по-человечески эмоционален. Может, поэтому он часто занимался контактами с аборигенами этой планеты. Ему же досталась обязанность сопровождать посла Гипербореи, этого знаменитого Геракла. И он же принес атлантам весть о том, что среди людей появились особи, иммунные к подчиняющему психовоздействию. Очень нерадостную новость. Галас выступал за то, чтобы уничтожить Геракла прямо здесь же, в Посейдонисе – но Лорд-Протектор все же принял решение отпустить посла, с тем, чтобы устроить ему несчастный случай в пути.

Галас считал это решение ошибочным… но, в силу традиций, не стал оспаривать решение Лорда-Протектора. Сейчас же он вновь не сдержался, хотя и понимал, что подобное поведение не прибавит ему уважения среди соплеменников.

– Без магической защиты Гиперборея не устоит перед нашей армией, – заметил Лорд-Протектор, ставя точку в обсуждении. – И хватит об этом. Я принимаю решение использовать генератор для ликвидации магической угрозы. В зависимости от результатов его применения мы решим вопрос о времени второй волны вторжения на территорию Гипербореи. Теперь надо обсудить сроки подготовки генератора. Властитель Пеллистер, как скоро мы сможем приступить к операции?

Властитель Галас тяжело опустился в кресло. Традиции призывали его молчать – приказ Лорда-Протектора, пусть и выраженный в мягкой форме, не допускал двоякого толкования. И все же в душе он понимал, что от его слов просто отмахнулись. Да, Гиперборея понесла немалые потери – но ведь и Посейдонис сейчас остался практически без защиты, если не считать синего купола. Армия в пути и прибудет нескоро. Конечно, у Олимпа нет возможности спешно перебросить сколько-нибудь существенные войска к берегам Атлантиды, но маги Гипербореи доказали, что с ними стоит считаться. Кто знает… может, они найдут какой-то способ.

Он уже открыл рот, намереваясь сказать все это, потребовать дополнительных мер безопасности – и тут же напоролся на тяжелый, ничего хорошего не обещающий взгляд Лорда-Протектора. Этот немигающий взгляд снова напомнил Галасу о том, что обсуждение темы завершено и ничто не способно изменить принятого решения.

И Галас проглотил вертевшиеся на языке слова. Второй раз он, переступая через себя, смирился с мнением Лорда-Протектора. Второй раз интуиция подсказывала ему, что это решение ошибочно и что последствия этого решения могут быть катастрофическими. Сам Галас не мог бы толком объяснить, почему в этом простом, обещающем быстрый эффект плане он видит угрозу… Он просто чувствовал это.

И предчувствия его не обманывали.

Путь через тьму Тартара запомнился Хирону, как сплошная череда ночных кошмаров. Кошмаров, от которых просыпаешься в холодном поту, с бешено бьющимся сердцем и предательски дрожащими руками, но потом никакие усилия не помогут собрать воедино ускользающие от разума туманные картины. И остается только ощущение, что картины эти были ужасны.

Он задавал вопросы – но никто из воинов не мог толком рассказать, что именно они видели там, в царстве Аида. Бессвязная череда воспоминаний, с каждым мгновением становящаяся все более тусклой. Но воинов это и не волновало – каждый из них знал, на что идет. Кто-то польстился на

невероятно щедрую награду, предложенную Зевсом семьям, которым предстояло потерять кормильца. Кто-то, увидев силу атлантов, увидев гибель друзей и соратников, вознамерился отомстить любой ценой. А кто-то верил в свою счастливую звезду и был убежден, что никакие силы Тартара не способны справиться с мужеством и силой.

Немногим более четырех сотен человек. Серьезная сила – если вести речь о незащищенном городе, все воины которого находятся далеко и не успеют защитить свои жилища. Приказ был прост – уничтожить Архонтов. Если для этого придется вырезать мирных жителей, сжечь прекрасный город, обрушить колонны великолепных храмов – пусть. Пусть будет так. Но если для достижения цели надо отказаться от убийств и грабежа – они найдут в себе силы и на это.

Огромная пещера – и из ее темного зева открывался великолепный вид на Посейдонис. Окажись неподалеку кто-то из местных жителей, он был бы весьма удивлен – в этих местах никогда не было пещер. Впрочем, даже если бы кто-то и прошел сейчас мимо, ему не суждено было увидеть вход в темные недра земли. Тартар не любил отпускать свои жертвы под свет солнца – но если все же делал это, то делал по-своему. Пещера могла вместить в себя даже не несколько сотен – тысячу воинов. Но когда последний из гиперборейцев покинет ее сырое, холодное нутро, пещера исчезнет. Хирон знал это – хотя не мог бы сказать, откуда пришло это знание. Как и знание того, что первый же шаг на солнечный свет положит начало отсчету десятидневной отсрочки – времени, после которого придется заплатить Тартару страшную плату.

И вдруг, неожиданно для самого себя, Хирон понял, что предстоящий уход в царство теней не заботит его. Сейчас ему казалось, что предстоящие десять дней – срок немыслимо долгий. Кто из его четырех сотен воинов доживет хотя бы до завтра? Кто сможет продержаться половину отведенного срока? Скольким предстоит встретить последний, десятый день? Скольким доведется увидеть последний закат? Никому не интересные, бессмысленные и нелепые вопросы. Воины негромко беседовали о вещах обыденных и простых. О своих победах – и истинных, и выдуманных. Об оставленных дома женщинах – и о других, незнакомых женщинах, нежные тела которых ждут их совсем рядом, всего в нескольких стадиях. О вине, которое наверняка найдется в ухоженных домиках.

Хирон стоял у самой кромки пещеры. Один шаг – и где-то в темных глубинах Тартара упадет первая капля времени. За его спиной толпились тавросы – среди добровольцев их оказалось

семеро. Все – ветераны, испещренные шрамами, умеющие не только владеть оружием, но и преподавать эту науку молодым воинам. Будь воля Хирона, он отказал бы этим бойцам, которые очень нужны были там, в далекой теперь Гиперборее. Но они шагнули вперед первыми – и он уважал их выбор.

Хирон снял с плеча мешок, и принялся выкладывать из него одежду, сделанную по описаниям Геракла. Быть может, Архонты и не ждут нападения – но стоит хотя бы одному из них оказаться в той самой башне, о которой рассказывал Геракл, и любая, самая яростная атака будет обречена на провал. А потому ему придется проникнуть в город и сделать так, чтобы защитное небо не опустилось на Посейдонис… хотя пока что не имел ни малейшего представления, что будет делать.

Прошло совсем немного времени, и на дорогу к вратам Посейдониса вышел человек. Высокий, мощного телосложения, он неизбежно привлекал к себе взгляды людей. Но мало у кого возникли подозрения насчет этого мужчины, одетого неброско, немного бедно – но вполне пристойно. Аккуратно подстриженная бородка и ухоженные, тщательно расчесанные волосы не имели ничего общего с обликом северян-гиперборейцев. К тому же мужчина что-то весело насвистывал, поглядывая на великолепие городских стен с каким-то детским изумлением. Не иначе, зажиточный фермер из мест, от столицы Атлантиды далеких, впервые решил посетить Посейдонис…

На плече мужчина нес сверток – судя по тому, что его шаг был легок, сверток не содержал в себе ничего тяжелого. Может, что-то на продажу? Или дар Властителям от дальних селений? Властители были неравнодушны к дарам, принимая их как должное – особенно произведения искусства, драгоценные камни, иные редкости…

Хирон шагал, глупо улыбаясь и откровенно глазея по сторонам, одновременно высматривая башню, о которой рассказывал Геракл. Если она пуста – что ж, он войдет в башню и разрушит в ней все, до чего сможет дотянуться. Если же нет… тогда останется только уповать на удачу.

Башню он увидел довольно скоро – описание старого друга было совершенно точным, и Хирон сразу узнал ее. И тут же понял, что опоздал. К башне шли двое – высокие, в золотой чешуе доспехов, с волосами, сверкающими серебром. Почти одновременно из врат верхнего города, где располагались самые прекрасные дворцы Посейдониса, вышла странная процессия – три Архонта в сопровождении двух десятков воинов, также затянутых в золотистую чешую. Воины несли короткие копья с льдисто мерцающими наконечниками – их действия Хирон так и

не знал, там, на смертном берегу Гипербореи, бой шел лишь обычным оружием. Но он, как и ранее Геракл, понимал, что вряд ли Архонты вооружили свою элитную стражу обычным оружием.

В самой середине процессии двигалась странная повозка – она плыла над мощеной дорогой, не касаясь камней. Несмотря на то что повозка двигалась легко, чувствовалось, что груз, который она несла, был невероятно тяжел. Странная конструкция из стекла и сверкающего серебром металла – Хирон не имел ни малейшего представления, что видят его глаза, зато вдруг всем своим существом почувствовал иное – что бы ни намеревались сделать Архонты, им необходимо было помешать.

Процессия уже миновала цепь шпилей, поддерживающих магическое небо атлантов – но до пещеры, где притаились гиперборейские бойцы, было слишком далеко. Начнись штурм сейчас – и атланты успеют вернуться, укрыться за несокрушимым куполом.

Значит, план остается прежним – купол должен прекратить свое существование.

Хирон неспешно свернул на боковую улицу, подобно остальным жителям города, уступавшим дорогу блистательной процессии. Затем свернул еще раз, еще – с каждым шагом приближаясь к башне. Двое Архонтов давно скрылись внутри, не подозревая, что чужак уже рядом. Скинув с плеча сверток, кентаврос одним движением развернул плотную ткань, открывая блеск оружия. Меч, пояс с метательными ножами, составной лук – не такой сильный, как тот, к которому Хирон привык, но все же неплохой. Но главное – два десятка стрел. Необычных – Геракл сделал другу прощальный подарок, бритвенно-острые наконечники стрел были смазаны самым страшным из известных ядов – кровью Лернейской гидры. Даже бессмертные олимпийцы были бы вынуждены встретиться с вечной мглой Тартара, получи они хотя бы легчайшую царапину.

Позади раздался испуганный возглас. Рука Хирона метнула нож прежде, чем он сам осознал опасность. Горожанин, которого нелегкая занесла в этот переулок, захрипел и рухнул на камни – бронзовое лезвие пробило горло. В руках его не было оружия… впрочем, это кентавроса волновало мало. Закинув меч за плечи и схватив лук, он бегом бросился к близкой уже башне.

Неизвестно, было ли это упущением или забывчивостью, но дверь, ведущая в башню, была не заперта. Двое Архонтов удивленно обернулись на шум – и тут же их руки потянулись к оружию. Кентаврос выпустил стрелу в упор, он не промахнулся бы и с сотни шагов, а тут расстояние было мало. И все же Архонт увернулся от стрелы… почти. Наконечник царапнул щеку, и

стрела унеслась дальше, врезавшись в прозрачную пластину стены… Этот выстрел пробил бы бронзовые доспехи, и Хирон ожидал, что стена разлетится веером сверкающих осколков, но стрела отскочила, не оставив и царапины. Почти сразу вслед за первой, с тетивы сорвалась вторая стрела – но этот выстрел уже не достиг цели. Второй Архонт закрылся рукой, и острое жало соскользнуло со сверкающей чешуи.

Из изогнутого предмета, который Архонт сжимал в руке, вырвалась молния. Хирон покатился по полу, чувствуя, как онемела левая рука – а правая, словно живя своей, самостоятельной жизнью, метнула нож.

И все закончилось… Хирон сел, застонав. Перевел взгляд на свою левую руку и застонал снова – от локтя и ниже руки просто не было. А было что-то черное, обугленное, и на мраморный пол сыпался жирный липкий пепел. Его губы прошептали заклинание, убирающее боль… несколько мгновений, и его лицо чуть расслабилось. Рвущие тело спазмы ушли.

– Кажется, Аид, мы встретимся раньше, чем я думал, – прошептал Хирон.

Один из Архонтов сидел, привалившись к стене. Из его глаза торчала рукоять ножа, глубоко проникшего в мозг. Второй, оцарапанный ядовитой стрелой, бился в конвульсиях. Раненый не интересовал Хирона – Архонту уже ничто не могло помочь, а подарить ему милость быстрой и легкой смерти… Хирон не был уверен в том, что ему хочется преподнести Архонту этот щедрый дар.

Кентаврос поднялся на ноги, чувствуя, как все плывет вокруг. Магия, отнимающая боль, отнимала и многое другое – сейчас его тело охватывала предательская слабость, лоб заливал пот, колени дрожали, а перед глазами плыли черные пятна. Стиснув зубы, Хирон поднял меч и с силой обрушил его на постамент, украшенный – и в этом подтвердился рассказ Геракла – разноцветными пластинками. Взвизгнул металл, брызнули искры… пара полупрозрачных пластинок надкололись – но этим успех и ограничился. Еще удар, еще… на остром лезвии появились глубокие щербины.

Слова, которыми Хирон помянул Аида и его Тартар, наверняка вызвали бы жестокую месть властителя подземного мира теней, услышь он их. Но Аида не было здесь…

Наклонившись, Хирон поднял оружие Архонта, выпавшее из его мертвой руки. Опытному воину не составило труда догадаться, куда именно надо нажать для того, чтобы оружие исторгло из себя голубоватый луч, пробивший в мраморном полу каверну, размером с голову человека. Криво усмехнувшись, он

нацелил оружие на постамент… Вспышка, еще одна, еще… Постамент развалился, испуская едкий дым и снопы искр. Хирон не успокоился, пока не превратил странное сооружение в обгорелую груду хлама.

Передатчик в ухе Галаса вдруг издал вой – так не могло кричать разумное существо, так мог взвыть смертельно раненый зверь. Архонт резко обернулся, ища источник этого вопля боли и страдания – и успел заметить голубую вспышку, на мгновение осветившую прозрачный купол башни контроля защитного экрана.

– Там! – крикнул он, вытягивая руку. – В башню, быстро!

Стражники, не говоря ни слова, рванулись к башне. В замешательстве Архонт отдал приказ на своем родном языке, но повелительный жест и тон приказа не оставлял сомнений в его содержании. Воины с энергетическими копьями были уже у самой башни, когда купол вновь озарился светом, затем опять и опять… Кто-то непрерывно стрелял из излучателя, наверняка в контрольном центре сейчас стояла невероятная жара. Удивительно, как стрелявший еще не потерял сознания. Затем – и это можно было ожидать, голубой луч ударил снова, на этот раз в сторону стремительно взбегающих по лестнице воинов. Архонт вздрогнул, увидев, как сразу трое стражей рухнули, обугленные. Остальные вскинули копья, с белых наконечников сорвались крошечные, не более ореха, мерцающие шарики…

– Галас, Берг, у меня плохие новости!

Архонты дружно обернулись. Пеллистер, склонившийся над генератором, лихорадочно вертел верньеры настройки.

– Что случилось? – голос Берга был напряжен.

– Прибор выходит из-под контроля, – сухо ответил ученый, и Галас увидел на висках Пеллистера капли пота. – Вышел из строя блок защиты от перегрузки.

– Ты же должен был вывести генератор на запредельную мощность…

– Да, просто перенастроив систему защиты на большую погрешность. Где-то я ошибся, теперь ограничитель вообще не работает.

Голос ученого немного дрожал. Галас почувствовал, как по спине пробежал холодок страха.

– И что теперь?

– Подождите… – пальцы ученого летали над панелью управления, перебирая возможные варианты возвращения ополоумевшего прибора под контроль своих создателей. Судя по все более мрачнеющему лицу Пеллистера, эффект от его усилий

был нулевым.

Генератор начал мелко дрожать, над ним появилось дрожащее марево – металл стремительно нагревался.

– Уходим под защиту купола, – одними губами прошептал Пеллистер. – И уходим быстро. Скоро генератор взорвется.

– У меня тоже плохие новости, – негромко ответил Галас.

Два десятка стражей продолжали штурмовать контрольную башню. Вернее, теперь их осталось куда меньше – тот, кто захватил зал управления защитным полем, умело пользовался оружием.

– Похоже, мы лишились защитного экрана.

– И это не последняя плохая новость на сегодняшний день, – Галас с удивлением услышал в голосе Властителя Берга нотки паники. – Здесь гиперборейцы.

Галас бросил короткий взгляд туда, куда указывал Берг. К городу бежали воины – сейчас они казались крошечными, но расстояние было не так уж и велико, и не было ни малейшего сомнения, что скоро, очень скоро гиперборейцы будут здесь. Берг привычно включил имплантированный в левый глаз компьютер, изображение послушно увеличилось. Огромная толпа, несколько сот человек – бородатые, в легких, не мешающих сражаться доспехах, с оружием наперевес.

– Сейчас в Посейдонисе примерно пять сотен воинов, – сказал Властитель уже более спокойным тоном. – И тридцать стражей. У гиперборейцев нет ни единого шанса.

– Ты, видимо, недостаточно внимательно слушал меня, – Пеллистер отдернул руку, теперь жар раскаленного генератора стал совершенно невыносим, и кожа на не защищенных чешуей пальцах ученого покрылась волдырями. – У них нет шансов, но и у горожан их не больше. Взрыв генератора, видимо, неизбежен, и вряд ли… вряд ли здесь, без защиты купола, выживут хотя бы бактерии. Надо уходить, немедленно. В бункер. Хорошо, что остальные уже там.

Галас сорвал с пояса излучатель.

– Может, разрушить его?

– Невозможно, – дернул головой ученый. – Раньше надо было… Но можешь попробовать.

Галас нажал на спуск, ожидая яркой голубой вспышки, но вместо этого излучатель издал свистящий звук, а затем вдруг стремительно раскалился. Архонт отбросил оружие, стремительно превращающееся в комок оплывшего металла.

– Генератор вступил во взаимодействие с магическим полем планеты, – сообщил Пеллистер спокойно, как будто бы к городу не приближались с каждым мгновением гиперборейские воины. –

Нарушаются законы физики и магии. Пока это заметно только вблизи генератора, но скоро…

– Пеллистер, бункер в безопасности? – прервал ученого Галас, увидев, что первые варвары достигли внешних ворот города, и теперь режут стражников. Те отчаянно сопротивлялись, но видно было, что долго им не продержаться.

– Да, он глубоко под землей.

– Тогда нам пора бежать.

Хирон выругался и застонал от боли. Заклинания почему-то больше не помогали, чудесное оружие Архонтов уже давно перестало выплевывать голубые молнии. Но и копья воинов, что пытались проникнуть в башню, более не выбрасывали из себя жгучие шары. Оказалось, что эти воины, сильные и умелые, слишком полагались на силу своих магических копий. К тому же без магии эти копья оказались на удивление плохим оружием.

Оглядевшись по сторонам, кентаврос усмехнулся – что ж, это была славная битва. Правда, и ему досталось – рука, сожженная лучом, пульсировала болью. В боку зияла обугленная рана – один из ярких шариков, выпущенных магическим копьем, все же достал его. Зато все, кто пытался проникнуть в башню, теперь мертвы. Половину он сжег, а остальных достал меч. Он снова прошептал заклинание – боль на мгновение утихла, а потом словно в качестве мести ударила с новой силой.

Вокруг все носило следы разрушений. Пол был залит кровью, повсюду лежали тела. Хирон бросил взгляд на улицу – отсюда, с высоты башни, хорошо было видно как там, у ворот, идет отчаянный бой. Сложно было определить, кто победит в этой резне, но защитники Посейдониса явно сумеют если не остановить, то надолго задержать гиперборейцев. А по мощеной улице вверх, не оглядываясь, бежали трое Архонтов. Странная повозка, которую они сопровождали, осталась стоять без присмотра. Возможно, в повозке было нечто ценное, но сейчас груз был брошен на произвол судьбы.

Покрепче перехватив рукоять меча, Хирон, скрипя зубами от боли, вышел из башни. Сначала он шагал медленно, затем побежал.

– Аид! – орал он на бегу. – Аид! Ты же обещал! Ты обещал!

Может быть, всесильный властитель подземного царства услышал этот призыв. Говорили, что Аид, при желании, способен услышать зов любого смертного. А может, просто магия Тартара, магия последнего предсмертного дара вдруг сработала – и боль стала уходить. Его бег вновь стал стремительным и ровным, легкие мерно втягивали воздух, из-под обугленных корок на

ранах перестала идти кровь.

Впереди маячили спины Архонтов… несмотря на то что Хирон был одним из лучших атлетов Гипербореи, ему никак не удавалось сократить расстояние – напротив, трое в золотой чешуе двигались явно быстрее. Более всего кентаврос боялся потерять их из виду – если Властители найдут убежище, в котором смогут дождаться идущего к берегам Атлантиды флота, все жертвы будут напрасны.

Центральная часть Посейдониса была сосредоточением великолепных храмов. Уходящие вверх белоснежные колонны, кажущиеся невесомыми купола, строгие изящные пирамиды, многочисленные фонтаны и цветники… Казалось невероятным, что вся эта красота создана за немыслимо короткий срок. Олимп строился долгими веками… Хирон не был ни знатоком, ни ценителем архитектуры, но и не требовалось навыков архитектора, чтобы понять – сердце Гипербореи сочетает в себе новизну и древность. Здания, сияющие белоснежным мрамором, соседствовали с другими – попроще. Некоторым из храмов порядком досталось от времени, безжалостного ко всему в Ойкумене, кроме, разве что, бессмертных олимпийцев. Некоторые, самые старые, здания больше походили на крепости, чем на жилища величайших магов мира. А здесь… здесь весь город казался – и наверняка так оно и было – спроектированным одним человеком, продуманным и потом воплощенном в камне.

В другое время Хирон не удержался бы от соблазна неспешно пройтись по широким улицам, посмотреть на людей, на здания… Но сейчас на все это не было времени – и он бежал, бежал что есть сил. И успел в самый последний момент увидеть, как золотистая чешуя мелькнула у огромных – впору проехать всаднику, не нагибаясь, – врат одного из храмов.

До него донесся вой сигнальной трубы. Атланты наконец опомнились и стягивали к воротам города подкрепления. Не прекращая бега, Хирон усмехнулся – поздно, поздно спохватились. Его воины уже внутри, и теперь их можно остановить, лишь забросав телами. К тому же если они сейчас чувствуют то же, что и он… защитникам Посейдониса придется несладко. Мышцы кентавроса наливались силой, боль исчезла, и даже культя сгоревшей руки не беспокоила его. Уцелевшая кисть крепко сжимала меч. Сейчас бы пригодился лук и знаменитые на половину Ойкумекны стрелы Геракла… но, видать, воспользоваться подарком друга ему уже не суждено. И все же колчан, плотно притянутый ремнями, покоился на спине Хирона. В умелых руках… в умелой руке отравленная стрела даже без лука может быть страшным оружием.

Вот и нужные врата. Кентаврос на мгновение замер у высокой, украшенной мозаикой из полупрозрачных камней двери. Осторожно заглянул внутрь.

Двое Архонтов стояли на небольшой круглой площадке из серебристого металла, еще один в стороне. Они о чем-то говорили – слов Хирон, разумеется, не понял, язык атлантов не знал никто, кроме них самих. Его больше обеспокоило другое – сейчас, после длительного бега, его грудь вздымалось заметно чаще, чем обычно. А Архонты казались свежими и ничуть не уставшими, словно и не было этой стремительной пробежки. Тех двоих, в башне, он застал врасплох – просто повезло. С этой тройкой справиться будет сложнее, если вообще возможно. Они настороже, видели бой у ворот города, понимают, что враг близко.

Тем временем Архонты разделились. Круглый диск дрогнул, негромко зажужжал и вдруг стал опускаться в круглый колодец, унося с собой две фигуры, укрытые золотой чешуей. Третий Архонт легко взбежал по узкой лестнице и скрылся на верхнем этаже храма.

Хирон задумался. Двое ускользнули, но третьего еще можно попытаться перехватить. Лучше, чем ничего, но хуже, чем хотелось бы. Он сунул меч в ножны, извлек последний метательный нож и медленно вошел в храм… Внезапно послышалось знакомое уже жужжание. Хирон метнулся за ближайшую колонну, рука напряглась, готовясь к броску.

Жужжание усилилось. Серебристый диск вынырнул из колодца и замер на том же уровне, где находился и ранее. Он был пуст – Архонты исчезли.

Хирон смотрел на металлический диск, и безумная идея забрезжила в его мозгу. Там, в неведомых глубинах этого колодца, притаились Архонты. Двое… а может, и больше. Они не ждут вторжения. Может ли представиться более подходящий шанс. А тот, третий – он наверняка придет туда. И Хирон будет ждать его.

Диск упорно не желал опускаться. Хирон пару раз подпрыгнул – тщетно. Площадка чуть качнулась под его немалым весом – и не более того. Он огляделся – ушедший наверх Архонт мог появиться в любой миг, и тогда его, Хирона, нож вряд ли будет надежным подспорьем против испускающего смертельные лучи оружия атлантов. Взгляд кентавроса упал на невысокий столб, украшенный… он вполголоса выругался. Ну конечно, как он мог забыть про эти прозрачные пластинки. И Аполлон, и Геракл рассказывали, что нужно правильно прикоснуться к этим пластинкам, чтобы магия Архонтов заработала.

Он вгляделся в рисунки на прозрачных пластинках. Некоторые были непонятны, смысл других был очевиден. Рисунок стрелы – простой, без оперения, так рисуют дети, – направленной вниз, наверняка заставит упрямую площадку сдвинуться с места. Хирон осторожно ткнул в пластинку кончиком ножа – и чуть не упал, лишь чудом сумев сохранить равновесие. Диск двинулся вниз, все ускоряя и ускоряя ход. Мимо проплывали стены, гладкие, словно тщательно отполированные. Спуск длился невыносимо долго, несколько раз кентаврос задирал голову – отверстия уже не было видно, и все равно он ожидал, что вот-вот что-то тяжелое может свалиться ему прямо на голову.

Наконец скорость спуска замедлилась. Хирон снова изготовил нож к броску – и напрасно. Открывшийся его взгляду небольшой зал был пуст. Догадаться, куда исчезли Архонты, было несложно – в стене виднелись двери. Закрытые. И ни у одной двери не было даже намека на ручку или замок.

Ни на мгновение не утрачивая бдительности, Хирон шагнул с магической площадки на пол, тоже сделанный из сплошного металла. Диск, словно ожидавший этого, дрогнул и плавно устремился вверх. Если Архонт уже там, наверху – ждать его осталось не так уж и долго.

Осмотрев двери, Хирон с сожалением убедился, что открыть их он не сумеет. В тонкую щель не вставить даже кончик ножа – попытка едва не стоила ему сломанного клинка. Нашлись и прозрачные пластинки, испещренные рисунками, – множество, и возле дверей, и на высоких, по грудь кентавросу, постаментах. Некоторые светились разными цветами, перемигиваясь словно живые – другие казались мертвыми. Но сколько ни тыкал в них Хирон сначала ножом, а затем и пальцем, ни одна дверь не шелохнулась. Рисунки были непонятными… правда, от его прикосновений некоторые пластинки сменили цвет, затем в помещении зазвучал какой-то голос – как показалось Хирону, женский… Слова были непонятными, но интонации показались воину встревоженными, а затем и угрожающими. Он ожидал нападения – но его не происходило. Зато послышалось жужжание – сверху спускался диск, наверняка неся на себе Архонта. Следовало готовиться к бою.

Подумав, Хирон сменил нож на одну из отравленных стрел. Один укол – и схватка будет завершена. Он прижался к стене так, чтобы Архонт, шагнув с диска в зал, заметил его не сразу…

Берг услышал голос компьютера задолго до того, как подъемник стал замедлять ход – сигнал пришел через имплантированный передатчик. Бархатный голос робота доложил о многочисленных попытках неавторизированного доступа.

Охранная система, проанализировав обращение к контрольным устройствам бункера, выдала заключение о проникновении чужака и подняла тревогу, одновременно активизируя защитные контуры.

Потратив мгновение, чтобы бережно опустить на пол нежное оборудование – приборы опасно было оставлять там, наверху, где в любой момент могла разыграться буря, вызванная неумолимо приближающимся взрывом генератора, – Берг схватился за оружие. И тут же отпустил рукоять излучателя – пара выстрелов в контрольном блоке бункера, и последствия могут быть похуже, чем от неуклюжих действий злоумышленника. Кто бы ни проник в шахту, пока что он не сумел причинить вреда. Охранные контуры заблокировали управление стасис-коконами, но вернуть их в исходное состояние несложно, достаточно подтвердить свое право отдавать приказы. Берг сейчас проклинал леность Пеллистера, не озаботившегося вмонтировать в пульт управления подъемником хотя бы элементарную систему безопасности. Простейший сканер сетчатки глаза – такой же, как тот, что контролировал доступ во внутреннее пространство убежища – надежно защитил бы бункер от любых посягательств извне. В этом мире пройдут долгие века и тысячелетия, прежде чем появятся специалисты, способные обмануть системы безопасности.

Использовать оружие нельзя… но любой истинный атлант, закованный в несокрушимую чешую, был убийственным оружием сам по себе. Скорость его реакции была много выше, чем у обитателей этого мира, дополнительные преимущества давало вживленное оборудование – правда, оно не было предназначено для использования в бою. Имплантированные датчики послушно усилили звуки – стрекот подъемника стал почти оглушающим, но сквозь этот звук и сквозь панические вопли системы безопасности пробивались и другие звуки. Шаги… там, внизу, был враг. Он двигался почти беззвучно, но Бергу удалось уловить, что шаги замолкли слева от шахты. Дикарь приготовился к броску… что ж, ему предстоит испытать немалое удивление.

Сейчас Берг жалел, что Архонты, привыкнув к своим излучателям, так и не изучили весьма распространенное и уважаемое в этом мире искусство фехтования. Имей он сейчас меч или хотя бы нож… Что ж, придется обойтись голыми руками.

Одним стремительным прыжком Берг покинул платформу еще до того, как она коснулась пола, и почувствовал порыв ветра – над его головой промелькнула чья-то рука, раздался звон и короткий хруст, словно что-то сломалось, ударившись о стену. Берг перекатился, уходя от следующего удара, – проклятый

варвар был быстр, невероятно быстр. А затем атаковал сам, с наслаждением ощутив под пальцами пусть и жесткую, мускулистую, но вполне живую плоть. Пока живую.

Варвар отпрыгнул к стене, зажимая рану – пальцы Берга практически вырвали из его бока кусок мяса. Только вот из-под ладони этого северянина не сочилась кровь, словно рана была нанесена уже мертвому телу.

Несколько мгновений оба стояли, разглядывая и оценивая друг друга. С точки зрения Берга, варвар не представлял особой угрозы, несмотря на его невероятную быстроту и странность в полученной ране. Перед Архонтом стоял грязный, покрытый кровью и копотью человек. Его рука была страшно изуродована – несложно было догадаться, что рана нанесена энергоразрядом. Остальному телу чужака тоже порядком досталось, и можно было счесть чудом, что он не только жив, но и может стоять на ногах.

Лицо варвара исказилось, губы растянулись в улыбке, обнажая ряд желтоватых, но крупных и крепких на вид зубов. Оскал хищника.

– Я убью тебя, Архонт, – голос северянина был хриплым и грубым.

Берг знал язык гиперборейцев – не так хорошо, как Властитель Галас, но достаточно, чтобы понять фразу и сформулировать достойный ответ.

– Это ты был в… башне?

– Где? Ну да, я. Твоим приятелям не повезло, Архонт. А теперь не повезло тебе.

– Много мнишь о себе, дикарь, – усмехнулся Берг.

Все это время он отчаянно пытался подавить разум дикаря – но каждый раз словно наталкивался на глухую стену, испытывая от этого столкновения почти физическую боль. Наконец он смирился с мыслью, что рукопашной схватки не избежать. Впрочем, это его не обеспокоило. У гиперборейца всего лишь одна рука. Меч – опасное оружие, но он слишком длинен, в небольшом помещении орудовать им непросто. Тут бы лучше подошел нож, но нож на поясе, и чтобы однорукому достать его, придется или бросить меч, или попытаться засунуть его в ножны. А это – потеря пары мгновений. Вполне достаточно.

Берг медленно двинулся вбок, намереваясь занять более выгодное положение. Меча он не особо опасался, но лицо, кисти рук и частично шея были не защищены чешуей, а значит – уязвимы. Он уже знал, какие нанесет удары. В кадык. И в сердце. У дикаря мощный мышечный каркас, но пальцы Архонта сумеют пробить его… или сломают ребра, что тоже неплохо.

Они прыгнули одновременно. И уже вложив всю силу в удар,

который должен был стать для варвара смертельным, Властитель Берг вдруг понял, что противник вовсе не атакует. Окровавленный, искалеченный гиперборец устремился не навстречу врагу, а в сторону, в угол… И в одно страшное мгновение Берг понял, куда устремился дикарь.

К его, Берга, излучателю, выпавшему во время первого прыжка.

Он еще пытался извернуться, пытался дотянуться до дикаря – но ослепительно-яркая голубая вспышка ударила в лицо. В последний миг своей жизни Берг очень огорчился, что гиперборец выстрелил ему в лицо, а не в грудь. Чешуя выдержала бы и не такое.

А потом свет для Берга померк. Навсегда.

Он уже не видел, что большая часть разряда, оказавшегося странно мощным, пришлась в пульт. Не слышал, как взвыли охранные системы, переквалифицировав попытку несанкционированного доступа в прямое нападение. Как уже умирающие контрольные цепи отдали приказ об изоляции злоумышленника – тяжелая стальная плита перекрыла лифтовую шахту, а из узких щелей у самого потолка поползли струйки токсичного газа.

Он был уже мертв, когда Хирон, выронив излучатель и разрывая пальцами уцелевшей руки отказывающееся дышать горло, бессильно сполз по стене. Газ разрушал дыхательные пути и кожные покровы, тело кентавроса стремительно покрывалось красными пятнами.

Кентаврос умер всего лишь за пятнадцать минут до того, как пал последний из защитников Посейдониса. Остальные горожане – и мужчины, и женщины – уже не представляли никакой угрозы для опьяненных кровью гиперборейцев. Но не было обычного в таких случаях грабежа, не было насилия и многочисленных бессмысленных убийств. Ничего этого не было. Потому что оставленный без присмотра генератор все же взорвался.

Взрыв… нет, это вряд ли можно было назвать взрывом.

Пеллистер был почти прав в своих расчетах. Активация генератора, предназначенного для прорыва пространства и построения портала в параллельную вселенную, стягивала к нему магические потоки мира, разрушая их – но, одновременно, разрушались и формируемые генератором поля, воздействующие на невидимые и неощутимые границы, разделяющие миры. В отсутствии дестабилизирующего действия магической энергии, рано или поздно граница не выдержала бы, лопнула – и открылся бы портал, ведущий в один из параллельных континуумов. Здесь,

на Земле, магия не давала порталу раскрыться – но строго контролируемый взрыв генератора создал бы поля такой мощности, что они полностью разрушили бы всю магию мира. Если бы все пошло так, как было запланировано.

Но контрольные цепи генератора вышли из строя. Началось лавинообразное нарастание мощности полей, воздействующих на границы миров, одновременно вся магическая энергия планеты устремилась к Атлантиде – сейчас над Посейдонисом бушевал настоящий шторм чистой магии. Любой, кто обладал хотя бы ничтожной долей магических способностей, мог бы творить невероятные чудеса, сумей он прикоснуться к этой силе. Но таковых не нашлось. К моменту, непосредственно предшествующему взрыву, живых в Посейдонисе – и в сотне стадий от него – не осталось. Ни людей, ни животных, ни птиц. Ни один биологический организм не мог вынести чудовищную пульсацию вышедшей из-под контроля энергии.

В какой-то момент мощность полей преодолела возмущения, вносимые магическими вихрями, – и граница миров не выдержала. Произошло локальное слияние пространств…

Планета содрогнулась. В мгновение ока исчез Посейдонис, и не только он – на многие сотни стадий от города исчезло все – дома, деревья, холмы… образовалась чудовищная впадина, в которую с ревом устремились морские воды. Небо над материком затянули черные тучи, смерчи шарили по земле, чудовищные удары молнии поджигали все, что могли, – и пожары тут же гасли под потоками низвергающейся с небес воды. По всей планете прокатились чудовищные волны, у берегов достигавшие высоты в сотни, в тысячи локтей. Под ударами стихии ничто не могло устоять… Просыпались вулканы, извергая из своих жерл потоки раскаленной лавы. Сотрясалась земля, расходясь трещинами, в глубине которых бился живой огонь…

Прошло не менее десяти дней, прежде чем унялось буйство стихии.

Бункер Архонтов уцелел. Глубоко под землей, изолированный от бушующей воды толстыми броневыми плитами, он почти не пострадал – во всяком случае, стихия не нанесла убежищу разрушений. Но контрольный пульт, разрушенный неточным выстрелом Хирона, вызвал цепную реакцию, погубившую большую часть компьютерного оборудования бункера.

Атланты давно не вели войн с себе подобными. Во всех мирах, куда вторгались их экспедиционные корпуса, высокотехнологической… техномагической цивилизации атлантов противостояли народы, находившиеся на куда более

низком уровне развития. Техника атлантов была надежна – и компьютерная система легко защитила бы себя и от холодного оружия, и от чего-нибудь более действенного. Но выстрел из боевого излучателя… такого никто не мог предусмотреть.

Большая часть систем прекратила свое существование. Действовало лишь кое-какое оборудование, обладавшее высокой степенью автономии. И тускло сияли в нишах Убежища – самого защищенного помещения бункера – коконы стасис-поля. Для них с гибелью контрольных цепей компьютерной системы началась вечность. Генераторы, которые, по сигналу таймера, должны были погасить стасис, вышли из строя. Остался лишь один – резервный, полностью автономный, который должен был активироваться в одном-единственном случае. При вторжении в Убежище чужака, которого не смогут остановить защитные системы.

Но у этого автономного генератора-ключа был один маленький недостаток.

У него не было таймера.

Сейчас над бункером бурлила мутная, грязная вода. Тонна за тонной оседали на дно песок и напитавшееся водой дерево, мертвые животные и рыбы, камни, снесенные бушующими потоками со своих привычных мест… Все это укрывало последний приют атлантов, обломков древней цивилизации, прочным и толстым саваном забвения.

И все же пройдут тысячи лет, прежде чем от великой Атлантиды останутся лишь обрывочные, неясные воспоминания. Зато останется кое-что другое. Некоторые из слуг атлантов уцелели – те, что в момент катастрофы находились на дальних форпостах. Их было несколько – этих станций, разбросанных по планете, имеющей связь с Посейдонисом посредством технологий, вновь открыть которые людям доведется еще очень не скоро. Полуостров, который в будущем назовут Испанским. Жаркая, пустынная земля, которой суждено породить правителей-фараонов. Земля иная, наполненная жизнью – и людьми с чуть красноватой кожей, чьих далеких потомков уничтожат жестокие конкистадоры.

Уцелевшие не были ни учеными, ни даже учениками. Они были не более чем слугами – и все же донесли до потомков крохи, жалкие крохи наследия атлантов. Пиктографическое письмо, оказавшееся удобным и на удивление понятным даже совсем разным народам. Преклонение перед Пирамидой – именно такую форму имел центральный дворец Посейдониса. Некоторые зачатки знаний о земледелии, ирригации… обо всем том, чему не успели толком научить своих слуг атланты, решившие поставить на первое место войну. Где-то воспоминания об атлантах скоро

ушли в забвение, а в иных местах тысячелетиями из уст в уста передавались легенды о мудрых сильных светловолосых богах, которые ушли, но обещали вернуться.

Но не только гибелью Посейдониса окончилась катастрофа, вызванная прорывом границ меж мирами. Магические потоки, пронизывающие и атмосферу, и воду, и каменную толщу земли, почти погасли. Магия умерла… олимпийцы, некогда повелевавшие стихиями, сохранили лишь крошечные частички былого могущества. Великолепная цитадель, оплот силы и величия Гипербореи, скоро пала под ударами… нет, не варваров, а силы куда более опасной, хотя и лишенной злобы, жестокости или жажды наживы. Холод – именно холод заставил всесильных магов искать путь в более теплые края. Теперь их сил не хватало на то, чтобы обеспечить вечное лето на Олимпе. Они ушли на юг, отыскав себе новый дом – много позже эта земля породит одну из высочайших культур человечества, культур, у истоков которой стояли гиперборейские маги, снискавшие славу богов. Но и от них, от гиперборейских богов, вскоре останутся лишь легенды, при пересказе приобретающие все новые и новые оттенки и уходящие при этом все дальше и дальше от реальности.

Все это будет. А пока…

5

Шум крыльев заставил высокого человека, прикованного к скале, медленно поднять голову. Он был страшен… он и ранее не отличался красотой, теперь же его лицо, исполосованное недавно зажившими шрамами, было ужасно. Но куда ужаснее старых рубцов и свежих ран было выражение лица прикованного – вечная мука. Боль, длящаяся уже немыслимо долго и обещающая повторяться снова и снова, в бесконечной череде лет.

– Подлети поближе, – чуть слышно прошептал он спекшимися губами. – Во имя Тартара, ближе. Дай мне схватить тебя…

Орел кружил над прикованным, выискивая удобный момент для нападения. Для него это был не более чем кусок свежего, вкусного мяса, оставленный в непосредственной близости от гнезда, где ждали голодные птенцы. Птица была осторожна – один раз это существо, уже раненое, сумело причинить ей боль. У орла была хорошая память.

Прометей сжался, насколько позволяли железные цепи. Он чувствовал, что если не сумеет свернуть шею проклятому хищнику, то вскоре будет обречен на поражение и уход в Тартар. В последнее время его сила таяла, и он не понимал, что с ним происходит. Даже простейшую царапину теперь удавалось затянуть лишь с огромным трудом, а если орлу снова удастся располосовать ему живот, а то и выдрать кусок мяса – тогда останется только молча истечь кровью.

Птица атаковала. Титан рванулся вперед, вывернутые руки пронзила боль, но щелкнувшие челюсти захватили лишь перо – орел издал возмущенный клекот, отпрянул, и снова закружился над добычей, выбирая подходящий момент для нового нападения. На этот раз он избрал своей целью ноги несчастного. Прометей застонал от бессилия – отразить эту атаку ему, вероятно, не удастся.

Раздался негромкий хлопок, за ним последовал отчаянный вопль птицы. Длинная стрела с белым как снег оперением пронзила орла на вылет. Он еще бил крыльями, еще пытался держаться в воздухе, не осознавая, что мертв, – и падал, падал вниз, на острые камни.

Прометей проводил взглядом своего мучителя, затем попытался разглядеть стрелка. Далеко внизу, едва видимый отсюда, с высоты, двигался человек.

– Отменный выстрел, – хрипло пробормотал титан, вдруг почувствовав странное успокоение. Не оттого, что проклятая птица нашла свой конец. Появление здесь этого стрелка было

Знаком. Добрым Знаком.

Человек тем временем, быстро перепрыгивая с камня на камень, поднимался по уступам к прикованному титану. Прошло несколько долгих мгновений, и Прометей узнал неожиданного спасителя.

– Радости тебе, Прометей, – широко улыбнулся стрелок. Но улыбка тут же увяла, когда он разглядел изможденного, изуродованного друга.

– В этом мире мало радости, Геракл. Смотрю, ты все еще великолепно владеешь луком. Это те самые стрелы, о которых ходят легенды?

– Нет, – покачал головой герой. – Эта тварь не заслуживает капли яда гидры. Но… Прометей, я принес новости, которых ты, думаю, ждал.

Прометей обладал провидческим даром, которого опасался даже Зевс. Но тут не стоило быть провидцем, чтобы догадаться, о чем идет речь. Сколько он думал об этом, сколько раз представлял себе… как явится кто-то из гиперборейцев, дабы объявить о том, что он, Прометей, свободен. И тут же понял… понял и скрипнул зубами от бессильной ярости.

– Я думаю, Зевс не переменил своего решения, ведь так?

– Так, – опустил голову Геракл. – Его слова все еще в силе.

– Значит… кто?

– Хирон.

Из горла Прометея вырвался горестный стон.

– О, тьма Тартара! Зачем!

– Мне тоже больно вспоминать об этом, друг, – Геракл некоторое время помолчал. – Может быть, даже вдвойне больно. Ведь это из-за меня он ушел в Тартар навсегда.

– Из-за тебя? Или все же из-за меня?

– Я сказал… лишнее. Слишком много лишнего. Мои слова заставили его пойти на это. Ради Гипербореи… ради всех нас. Он ушел в Тартар… Знаешь, я никогда не думал, что слова могут убивать. То, что я рассказал ему, принесло ему вечную мглу царства Аида ничуть не менее верно, чем если бы я вонзил в него стрелу, отравленную ядом гидры. Но об этом потом, а пока протяни руку, я перерублю цепи.

– Эти оковы создал сам Гефест, – вздохнул Прометей.

– Меч тоже вышел из-под его молота.

Геракл размахнулся, нанес удар. Фонтаном брызнули искры, одно из звеньев не выдержало и распалось. Потребовалось совсем немного времени на то, чтобы освободить титана от цепей.

– Мне пришлось напомнить Зевсу о его обещании, – мрачно сказал Геракл. – Не благодари… это самое малое, что я мог

сделать в память о Хироне. Теперь тебе надо вернуться в цитадель. Только сам Гефест сможет избавить тебя от этого, – он указал кончиком меча на толстые железные браслеты, сжимающие запястья титана.

Тот лишь покачал головой.

– Нет. Я не хочу расставаться с ними… по крайней мере с одним. Пусть это будет напоминанием.

Освобожденный от оков, Прометей чуть не упал – если бы не могучая рука друга, он бы рисковал мгновением позже очутиться внизу, на острых обломках скал, рядом с изломанной птицей, которая доставила ему столько мучений. Геракл сдернул с плеча сумку, достал хлеб, круг сыра, флягу с вином.

– Поешь. А я пока расскажу тебе о Хироне. И об Атлантиде. Есть много такого, о чем я должен тебе рассказать…

А в глубине моря, в месте, которое тысячелетия спустя назовут заливом Нортон, под слоем камней и ила, под прикрытием несокрушимой брони, тускло светились коконы. И заключенные в них Архонты, последние осколки великой и жестокой цивилизации, в безвременье ждали своего часа.

notes

Notes

1

Олимпийская стадия – 184,97 м.

2